

Десятый сосед

Автор:

Ашира Хаан

Десятый сосед

Ашира Хаан

Мама говорила, что за всю жизнь у приличной женщины не может быть больше десяти мужчин, и Ева свято верила в эту установку. И вот ей почти 30, пора выходить замуж, у нее девятый по счету мужчина. Он – подходящий кандидат в мужья, только нет между ними химии – того, что девочки подсознательно ждут с детства. Однажды она встречает нового соседа, и между ними вспыхивает страсть. Но он женатый и... десятый по счету! Их отношения не имеют будущего. А так хочется любви и простого женского счастья!

Ашира Хаан

Десятый сосед

© Ашира Хаан, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Мама всегда говорила, что за всю жизнь у приличной девушки должно быть не больше десяти мужчин. Цифра казалась мне даже завышенной: я собиралась

найти своего единственного гораздо быстрее.

Она еще много чего говорила – и про то, что женщина не должна курить на ходу или за столом, и про то, что должна пить только благородные напитки, например сухое красное вино или коньяк, и что-то еще про длину юбок и цвет помады...

Возможно, именно с тех пор я люблю пиво, ношу длинные юбки с разрезом до пояса и крашу губы в истошно-розовый.

Но вот правило про десять мужчин впечаталось намертво.

* * *

Тот вечер я помню странно: секунду за секундой его первую половину и короткими яркими вспышками – вторую.

– Это вопрос самоуважения! Ты понимаешь? – Для убедительности мама размахивала стеклянным шаром, в котором под искусственной метелью из блестящих снежинок крутилась принцесса в розовом платье.

Я больше следила за шаром, чем слушала ее слова. Мне казалось, он вот-вот выскользнет и разобьется на тысячу сверкающих осколков.

Скандал длился уже второй час. Мне было восемнадцать – отличный возраст для свиданий с парнями из инженерного института, которые позвали нас с Верой погулять.

Я считала, что самое время начинать взрослую жизнь.

Мама считала, что только через ее труп.

В принципе я уже была готова и на труп.

Это же лучшие годы! Самое время гулять! Предвкушение свободы бурлило в крови, лопааясь пузырьками шампанского в голове и покалывая кончики пальцев.

Я была похожа на принцессу в стеклянном шаре – и как же мне наконец хотелось вырваться за его пределы!

– Принесешь в подоле – можешь домой не являться! С таким-то стартом закончишь на панели! У меня твой отец был первым! Я-то знаю, какова современная молодежь, но чтобы собственная дочь...

Я не ожидала, что в душе моей нежной и мягкой мамы гнездятся такие хтонические чудовища и тем более что они вдруг полезут наружу. Словно кто-то чужой и злой написал ей все самые ужасные слова, поселил внутри мрак, ползущий из ее рта и, словно жуткий болотный монстр, хватающий меня за руки и за ноги.

– Мама, мы же просто с Верой... Мы только погулять... – лепетала я, но в кухне становилось все темнее, словно огромная черная тень нависала надо мной, вырвавшись из моей маленькой и хрупкой мамы, все еще пытающейся загипнотизировать меня этим сверкающим шаром в руке.

– Мне уже восемнадцать! Я взрослый человек! – не выдержала я.

– Ну и катись, шлюха! – взвизгнула мама, и сверкающий снежный шар раскололся о стену рядом с моей головой, выпуская принцессу в розовом платье на волю.

Казалось, в следующую секунду огромная тень опустилась на нас, запачкав мазутной чернотой. Все стало очень медленным и отчетливым: снежинки разлетелись по всей кухне, попав в чай, в гречку с сосисками, в лужицу кетчупа на столе, в кастрюлю с супом, в миску с собачьим кормом, но больше всего осело на моих волосах. Принцесса в розовом упала на линолеум в брызгах зеркального льда, и наш старый сенбернар Ричи тут же перемолол ее челюстями.

Дверь квартиры хлопнула за моей спиной, и я глубоко вдохнула прозрачный октябрьский воздух. Ерунда! Когда я вернусь, мама уже придет в себя.

Сначала я забежала за Верой. Ее дом находился прямо за зданием ЗАГСа, и последние несколько месяцев всякий раз, когда мы шли мимо, она печально

вздыхала: «Представляешь, это как у голодного перед носом котлету повесить!»

Никакие уверения, что замуж мы всегда успеем, на нее не действовали. Субботним утром ее будили гудки свадебных кортежей, а по понедельникам дворники неизбежно и печально выметали горы конфетти и розовых лепестков. Вера жила в ожидании того человека, который наконец-то отведет ее в белой фате и пышном платье в это казенное серое здание, а потом увезет на лимузине с лентами в какой-нибудь другой дом, где по утрам в выходные можно будет наконец выспаться.

Обычно я проскакивала мимо толп гостей не задерживаясь, но в тот день почему-то остановилась и увидела выходящую из дверей ЗАГСа счастливую невесту в розовом свадебном платье точно такого же оттенка, как у погибшей в зубах у Ричи принцессы из стеклянного шара. Мне вдруг показалось, что она каким-то образом сумела избежать страшной участи, вырвалась на волю и обернулась реальной, очень красивой девушкой с вьющимися светлыми волосами и самой счастливой улыбкой на свете.

Будто на моих глазах произошло настоящее чудо.

Однако, переведя взгляд на вышедшего следом жениха, я моментально забыла про свою принцессу. Он не был как-то особенно высок, строен и красив, да я и не могла толком разглядеть его за спинами людей, но мы встретились взглядами, и я вдруг ощутила, как в животе возникло странное чувство, похожее на невесомость. Дух захватило, как на качелях, – страшно, сладко и невыносимо.

«Хочу за него замуж», – подумала я.

Нет, не так.

«Я выйду за него замуж» – вот так я подумала. С твердой уверенностью, что это случится.

Но гости закричали «Горько!», кто-то заслонил его от меня, прервав контакт взглядов. Я вздрогнула, словно очнувшись, и побежала дальше к Веринному дому. Какая романтическая ерунда только в голову не придет! Неужели я заразилась от подруги этой свадебной лихорадкой?

Через пять минут я уже совершенно забыла о произошедшем.

Парней было трое – двое вполне симпатичных старшекурсников и один очень высокий и прыщавый, на вид старше их. Мы забыли договориться с Верой, как будем делить кавалеров, и теперь переглядывались, пытаюсь разобраться без слов. Третьего – точно Юльке! Правда, я не понимала, кто мне больше нравится из оставшихся.

Вообще-то я не собиралась пока никого выбирать, хотела просто посмеяться и погулять, а главное – почувствовать, что нравлюсь, и не только одному, всем! Но они между собой явно о чем-то таком договаривались. Пока мы стояли у Юлькиного дома и ждали, когда она выйдет, этот прыщавый все время оттеснял меня от Веры и остальных, предлагал сходить вдвоем то за мороженым, то за сигаретами. Я не хотела никуда уходить, мы ведь намеревались гулять все вместе, но он был очень настойчив.

Вера не замечала моих испуганных взглядов. Ей досталось двойное мужское внимание, и она таяла под градом комплиментов. Мне даже казалось, она уже не очень-то хотела, чтобы Юлька вышла. Да и я, если честно, ей чуть-чуть завидовала – оба доставшихся ей парня были гораздо симпатичнее моего.

– Пойдем в лес, что ли? – наконец сказал один из них, когда все сроки уже прошли и стало понятно, что мы так и останемся впятером. Юлькин телефон не отвечал.

– Может быть, пройдемся по бульвару? – предложила я. Вечерами там как раз гуляли такие компании, и я часто представляла себя в одной из них, громко смеющейся, в новой белой джинсовой юбке и с сигаретой.

– Да ну, – сплюнул прыщавый. – Там бабки опять разорутся. В лесу можно костер развести, выпить нормально, удобнее там, опять же.

– Выпить?

Не то чтобы я не пробовала алкоголь, но бокал шампанского на Новый год и день рождения или банка пива, выпитая на двоих с Верой вопреки всем запретам мамы, – это совсем не то, что несколько бутылок вина, звякнувших в рюкзаке у одного из наших новых знакомых. Но смешно отказываться, не водка

же!

Вино оказалось красным сухим, и я, конечно, рассказала, что, по мнению моей мамы, положено пить приличным девочкам и где курят приличные женщины. Пластиковый стаканчик в моей руке мялся и протекал, роняя густо-бордовые винные капли на джинсы и свитер. Я пыталась их стирать пальцами, комкала стаканчик еще сильнее, и все начиналось сначала.

Прыщавый предложил отойти покурить, раз приличная девушка не должна этого делать за столом. Его слова показались мне вполне логичными, и я пошла за ним. Впрочем, закурить он так и не дал, облапав и засунув язык мне в рот, едва полянку заслонили деревья. Все происходящее совсем не походило на мой первый и пока единственный поцелуй в прошлом году. Это было как-то... слишком! Нагло, мокро и практически насильно.

А уж когда он принялся расстегивать мои джинсы, почему-то приговаривая: «Тихо, тихо, тихо!» – я совсем растерялась и вместо того, чтобы убежать или позвать Веру, сказала ему, что ребята, наверное, обидятся на то, что мы ушли так надолго, и надо вернуться к ним. Но он только хохотнул, сообщив, что ребятам и без нас весело, и его рука совсем внаглую забралась мне в трусы.

Страх взвился ледяным вихрем из позвоночника, раскрутился тайфуном в голове, так и не дав мне протрезветь, зато подарив какую-то отчаянную решимость. Я рванулась из рук прыщавого, но не на свободу, а к полянке, где Вера была уже без куртки и свитера. Один из парней присосался к ее губам, а второй возился с «молнией» на своих джинсах.

По ее мутным глазам было понятно, что выпила она гораздо больше меня. Я потянула ее за локоть, уворачиваясь от чужих рук, но она только отмахнулась, рассмеялась, сказала, что ей и здесь хорошо. Минуты две я потратила на то, чтобы попытаться ее все-таки поднять, но парни, тоже пьяные вдрызг, наконец-то сообразили, кто им все время мешает, и переключились на меня, а из леса появился прыщавый, почему-то с расстегнутой ширинкой.

Я снова и снова звала Веру, но она не реагировала, а ко мне шли уже двое. Один из них был не так уж сильно пьян и бегал наверняка быстрее меня.

Точно быстрее.

Прыщавый очень быстро догнал меня и повалил на свежееопавшие листья, едва прикрывшие осеннюю грязь. Он сразу раздвинул мне ноги, и холодный страх в моей душе превратился в темный ужас. Только он придал мне сил – я отмахнулась пяткой, не глядя, куда бью, сгребла черную густую жижу и, извернувшись, бросила ее в прыщавого. Он отпустил меня на несколько секунд, которых хватило, чтобы рвануть оттуда с удвоенной скоростью.

Я остановилась, только когда уже выбежала из леса. Прохожие провожали меня недоумевающими взглядами – еще бы, не каждый день приходится видеть перепачканную девушку!. Я забилась за гаражи и отчаянно кричала, заткнув себе рот грязным, пропахшим вином свитером. Потом попыталась отчистить корку засохшей глины с джинсов, но становилось только хуже, пока я не поняла, что и руки у меня в грязи, и лицо тоже, и вся я грязная.

Я терла руки друг о друга, надеясь, что это поможет, но ничего не получалось. Тогда я заплакала, и из моих волос вдруг высыпалось несколько искусственных снежинок, облетевших на меня, когда шар разбился. Здесь и сейчас они смотрелись чудовищно неуместно, но почему-то именно это помогло мне собраться, встать и дойти до киоска, чтобы купить бутылку воды и вымыть хотя бы лицо.

Я бродила по улицам до самой темноты, смотрела, как люди ехали с работы домой, загружаясь в освещенные теплым светом автобусы. Постепенно пассажиров становилось все меньше и меньше, я видела, как автобусы шли полупустые, и поодаль от фонарей собирались в группки темные фигуры.

Следующее, что я помнила ясно, – как стояла у подъезда и не могла подняться на свой этаж. Дома была мама, разбившийся шар, черное болото и ее правота.

Мама была права.

Мама была права. Мама была...

Помню холодные двери лифта, к которым я прислонялась лбом, и шершавую обивку двери под пальцами. Потом – бесшумный поворот ключа, темнота в коридоре и слишком яркий свет в ванной, неприятное прикосновение теплой воды, утекающая в слив темная грязь, тяжелое дыхание...

Выйдя оттуда, я вздрогнула: мама молча сидела за кухонным столом. Я ее не заметила сразу или она пришла позже? Ждала меня? Мы должны поговорить?

– А где папа? – осипшим голосом спросила я.

Она молча пожала плечами.

На следующий день Вера не пришла на занятия. И на следующий тоже. И через месяц. Никто ничего не говорил, но все тайком шептались.

В конце мая, между экзаменами, я заскочила вечером в колледж, чтобы договориться о дополнительной консультации, и увидела ее рядом с кабинетом директора, очень бледную и с огромным животом.

Я остановилась, не зная, что делать. Подойти? Или притвориться, что не заметила?

Но Вера посмотрела на меня и покачала головой.

Больше я ее не видела.

Еще не последняя попытка

Я сняла наушники уже подходя к дому, чтобы музыка не мешала, когда буду заходить в подъезд, и меня накрыл заунывный звук сирены «Скорой». Он быстро приближался, зажигая тревогу в сердце. Я сунула руку в карман, скрестила пальцы и прошептала: «Чур, не моя беда!»

«Скорая» пронеслась за деревьями по шоссе, на несколько секунд оглушив своим воем.

Но мимо.

Хотя за кого мне бояться? Мама живет на другом конце города, этот вой не про нее.

Ключи из кармана я достала заранее, чтобы не возиться у двери, но, когда завернула за угол, увидела, что подъездная дверь подперта массивным камнем, под козырьком стоят картонные коробки, а рядом грузчики запихивают в машину компьютерное кресло.

Кто-то переезжает? Интересно, кто?

Лифт, разумеется, валандался где-то по верхним этажам, перевозя скарб выезжающих, и я тяжело вздохнула, готовясь к долгому ожиданию.

Устала как собака! На работе бардак: одни отделы расширяются, другие сокращаются, сотрудники меняются местами и кабинетами, перетаскивают мониторы и кресла с одного этажа на другой. Я в центре этого кошмара – и, как офис-менеджер, конечно, отвечаю за то, что у одних пропали папки с документами, а у других уволокли принтер.

Когда принтер находится, драки из-за него разнимаю тоже я. И валерьянку потерявшим документы наливаю я. И в архив за копиями документов спускаюсь снова я.

И все это на каблуках...

Прямо сейчас я мечтала сделать две самые прекрасные вещи в жизни женщины – снять туфли и расстегнуть бюстгальтер. Немедленно!

Я с трудом остановила собственную руку, потянувшуюся к спине.

Двери лифта разошлись, на меня надвинулся лакированный бок старого комода. Я его даже узнала, и, подтверждая мою догадку, из-за него вынырнула Маринка,

соседка сверху. Грузчики, очевидно, в лифт не поместились – странно, что туда комод удалось впихнуть! – и топали пешком. А Маринка, извернувшись, зажала кнопку открытия дверей, чтобы комод не уехал в одиночестве кататься по этажам.

– О, привет! – обрадовалась она, заметив меня. – Давно ждешь?

– Так ты переезжаешь? – уточнила я на всякий случай.

Я привыкла, что мы с Маринкой иногда болтаем, пьем чай или что покрепче, и музыку она никогда не включает громко. Неизвестно, кто там еще поселится! Может, семейство с маленькими детьми, которые будут играть в футбол над моей головой и ронять свои игрушки.

– Да! – Маринка прямо сияла. – Я тебе не говорила разве?

– Нет. – Я покачала головой. Последний раз мы долго разговаривали еще весной. Ей тогда кто-то в очередной раз разбил сердце, и чай плавно перешел в мартини с соком, а потом в водку без сока.

– Евка! Ну, ты что! Я замуж выхожу! – заверещала она, характерным жестом демонстрируя мне колечко на безымянном пальце.

Так себе колечко, камешек крошечный, отметила я слегка заторможенно. Вот оно как... замуж, значит. Так быстро?

– Когда успела-то? – только и спросила я.

– В мае встретились! Он потрясающий! Самый лучший, самый умный, никогда и не думала, что такие бывают! Замуж позвал на втором свидании!

Я нахмурилась, и она сразу зачастила:

– Помню, что ты мне говорила – присмотреться, проверить! Я держалась, как могла. Присматривалась!

– Аж четыре месяца, – вздохнула я.

– Ну да. Сколько еще ждать? Все ясно. Ты рада за меня, рада, рада? – пищала она.

Я обняла Маринку, но в сердце кольнула легкая зависть. Четыре месяца – и уже замуж...

– А хозяйка уже нашла новых жильцов? – спросила я, вспомнив о потенциально топчущих детях над головой.

– Да, какой-то мужик поселился. Сегодня вечером и въедет.

– А зря мужику сдали, – вздохнула я. – Говорят, если девушка съехала из квартиры замуж, на сайтах аренды за такую драки.

– Серьезно? – Маринка распахнула глаза. – Я хозяйке скажу, может, она передумает.

– Вдруг на мужика тоже сработает, быстро женится, – бледно улыбнулась я. – Ладно, Марин, я пойду. Устала очень.

Грузчики как раз спустились и начали сноровисто выковыривать комод из узких дверей лифта.

– Уи-и-и! – Маринка еще раз обняла меня. – На свадьбу приедешь?

– Пригласишь – приеду, – кивнула я и ступила в лифт, пока его снова не заняли.

В лифте я вела пальцем по кнопкам в такт меняющимся цифрам на табло, и, когда оно переключилось на «10», сама себе кивнула, но не отнимала палец от панели, пока двери не разошлись. Однажды поспешила, убрала на мгновение раньше, а тут взял и погас свет. Так и торчала полтора часа в темноте с тонкой полоской света между дверями.

Олег, как всегда, был дома. Он сидел за компом в наушниках и стук двери не услышал. Я сходила помыть руки и прошла на кухню. На плите стояла

сковородка с жареной картошкой. Заглянув в холодильник, я обнаружила, что там больше ничего не было, даже вчерашней рыбы. Придется есть картошку, хотя он сам же потом и будет намекать, что бока мои стали толстоваты, надо бы по- худеть.

Я уже мыла посуду после еды, когда Олег, наконец, появился на кухне.

– Ага-а-а-а! – закричал он и набросился на меня, щекоча и громко чмокая в шею одновременно. Я взвизгнула, подпрыгнула и залила мыльной водой джинсы и блузку.

– Ну, Олег! – Я стряхнула капли в раковину. – Просила же так не делать! У меня сердце часа два колотится после таких шуточек. И джинсы теперь в стирку.

– Надо переодеваться, когда домой приходишь, – назидательно сказал он. – Заодно меня бы поцеловала. А то прокралась тайком, как воришка, за моей картошкой.

– Мог бы снимать наушники, когда знаешь, что я приду.

– Ну, не нуди, – поморщился Олег и обнял меня со спины. Прикосновение мокрой одежды к телу было неприятно, и я попыталась отстраниться, но он прижался еще сильнее и запустил руку под блузку. – Люблю, когда ты сразу лифчик снимаешь...

– Оле-е-е-ег... – проныла я, но он уже протянул руку и завернул кран.

– Потом домоешь. Я тебя хочу. – Он развернул меня лицом к себе и накрыл губами губы.

– Олег, я только пришла, устала ужасно. – Я попыталась выскользнуть из его рук, но он уже оставлял короткие горячие дорожки из поцелуев на шее. – Олег! Мы же договаривались!

– Ну да, я знаю, – вздохнул он и наконец отстранился. – Я должен ждать, пока ты сама захочешь. Но я вчера ждал, ждал и не дождался!

Я еле поймала себя за язык. Если сказать «значит, не захотела», он обидится на весь вечер, будет потом ходить надутый и рано пойдет спать.

- Дай я схожу переоденусь, ладно? - примирительно сказала я.

С Олегом мы жили вместе уже два года. Похоже, он и есть самый подходящий для меня человек. Хорошо зарабатывает, любит меня и хочет - иногда даже чаще, чем я его. Но подруги мои жалуются на то, что их сорокалетние мужья в постели уже давно не айс, так что я с такими проблемами выгляжу странновато.

Про женитьбу мы никогда не говорили, но в наше время это не так важно. Главное - мы вместе и любим друг друга. О чем тут думать вообще?

Неужели я хотела бы, как Маринка, замуж за того, кого едва знаю? Нет, Олег отличный - умный, заботливый, и я к нему уже привыкла.

Я переделалась в домашнее и пошла посмотреть, как там Олег.

Он сидел мрачный, со сжатыми губами и играл в тетрис - медитативно щелкал клавишами, регулярно ронял фигурки не на положенные места и сжимал губы еще сильнее.

Я напряглась. В тетрис он играет, когда «собирается с мыслями» перед долгим разговором с вытаскиванием всех наших проблем, выполаскиванием и вывешиванием их на веревочку. Это развлечение часа на четыре, в результате я не высыпаюсь, с утра мигрень, рабочий день к черту.

Ему хорошо - он дома работает, отоспался днем и готов ко второму раунду. А мне лучше заглядить свою вину сейчас.

Я подошла, положила ладони ему на плечи, нагнулась и поцеловала, но он не отозвался, только дернул щекой. Вдохнув, я обошла стул с другой стороны, плюхнулась ему на колени, взяла его руку и положила себе на грудь. Это сработало - он тут же ее стиснул и на следующий поцелуй уже ответил: прижал к себе, раздвинул языком губы... Но потом посмотрел на меня с подозрением:

- Ты же не хотела?

- А теперь хочу, - вздохнула я.

- Точно хочешь? - прищурился он.

Я потянулась к его ширинке, чтобы доказать. Но ему хватило и этого жеста.

От стола до кровати - два метра и один долгий глубокий поцелуй. И еще один, наполненный обещаниями, планами и желанием, уже на кровати.

Олег потянулся к изголовью, где лежали презервативы.

- Давай ты сверху? - предложил он.

- Я устала...

Но он закатил глаза, и я быстро кивнула:

- Давай!

Немного поморщилась, насаживаясь на него, - внутри было еще сухо. Уперлась коленями в матрас и начала осторожно двигаться, пытаюсь поймать ритм, от которого не слишком уставала бы.

Олег накрыл ладонями мою грудь, двумя пальцами выкрутил сосок, и я вскрикнула от боли.

- Слишком сильно? - озабоченно спросил он. - Прости, все время забываю, что ты такая чувствительная...

В какой-то момент мне показалось, что я поймала то самое ощущение, когда тепло начинает растекаться внутри живота, напряжение расти. Я закусила губу, сосредоточившись на этом чувстве, но тут Олег дернул меня за бедра, заставив прижаться к его груди.

- Давай так, мне так больше нравится.

Темп стал побыстрее, большую часть работы делал он, но ощущение ко мне так и не вернулось. Я двигалась скорее механически, стараясь ускориться, чтобы ему было приятнее, но после целого дня на каблуках мышцы на ногах ужасно ныли, и я все время сбивалась.

Олег раздраженно рыкнул, перевернул меня на спину и быстро закончил, вбиваясь в меня с частотой отбойного молотка. Мне казалось, в такие моменты он вообще забывает о моем существовании, как это ни смешно звучит. Уходит в какой-то свой мир, где есть выдуманная Ева, с которой он и сливается в экстазе... Но потом жарко целует, говорит, что со мной на седьмом небе, я богиня, ему никогда ни с кем так хорошо не было, и я думаю, что опять насочиняла себе ерунду. Просто никак не могу поверить, что он нормальный, не мудака, как большинство моих бывших.

Вот и сейчас он обнял меня, положил пальцы на лобок и заботливо спросил:

– Помочь тебе?

– Нет, что-то сегодня не хочется, но ты продолжай спрашивать! – улыбнулась я.

Уткнувшись в теплое плечо, я обняла Олега, положив ладонь на его упругий живот. Все равно он лучше остальных, даже внешне. После тридцати найти мужчину без пузика можно уже только среди нарциссов в фитнес-клубах, но у них уже давно не стоит от стероидов.

Мне есть с чем сравнивать, Олег – мой девятый.

Не осталось у меня лишних попыток.

От первого до девятого

Девять мужчин и почти тридцать лет! Похоже, ситуация становится отчаянной.

Если девушка не вышла замуж до тридцати, с ней явно что-то не так. А я умудрилась прохлопать все возможности ускоренными темпами. Теперь у меня

есть Олег, который не планирует жениться, и один последний шанс.

Я никогда никому не рассказывала о том, что произошло тогда, в октябре, в лесу. Мне казалось, что, если притвориться, будто ничего не было, это поможет. Не вспоминать, не думать, не растравлять свои болячки...

Я нормальна. Я как все.

Даже на психфак я пошла в основном для того, чтобы получше притвориться нормальной. Нет у меня никаких травм! Со мной все в порядке, я похожа на всех остальных девушек моего возраста, даже тесты это показывают. А у каждой нормальной девушки должны быть отношения.

Вообще-то я долго не могла открыть счет.

У меня было множество убедительных причин: сначала надо окончить колледж, потом поступить в институт, потом не завалить первую сессию, перейти на второй курс, сдать на «отлично» профильные предметы... Ну, не было у меня времени на свидания!

Все мои друзья и подруги потихоньку расставались с девственностью: кто на узкой койке общаги, кто романтично, на постели из роз в отеле, кто на вечеринке, второпях, пока остальные страждущие колотят в дверь ванной, а кто и в том самом лесу. Некоторые умудрились сделать это как минимум дважды. Один раз – соврав для поддержания разговора, другой – на самом деле.

Невинными девами оставались только очень религиозные, очень страшные – и Ева.

Весь факультет считал, что я жду принца на белом коне. Колонны на входе в учебный корпус, про которые ходила байка, что они обрушатся, если между ними пройдет девственница, угрожающе поскрипывали и тоже намекали, что я позорю репутацию института.

Пора было принимать меры.

Из всех наивных мальчиков, которые еще не вычеркнули меня из своих сексуальных грез, я выбрала одного – высокого и худого, с гривой темных крутых кудряшек и длинными ресницами. Он казался мне невероятно умным и в принципе годился на роль не только первого, но и девяти остальных.

Я еще не понимала, что смотреть надо на другое.

На первом свидании мы ходили в кино, на втором в театр, на третьем поцеловались, а на пятое я пришла в белом обтягивающем платье, потому что менее прозрачные намеки мальчик не понимал. Все было неприятно, скучно, зато быстро!

Так я поставила галочку рядом с первым именем.

Девчонки говорили, что в первого влюбляешься без памяти, но у меня вышло наоборот. Без памяти я влюбилась во второго – пошла бы за ним босиком по снегу, поехала бы в любую ссылку, отдала бы все, что имею... Но, к счастью, он не понял, насколько я была отчаянно, как кошка, влюблена, и взял только то, на что нацелился, – в первый же вечер, через три часа после знакомства. За всю эту ночь я ни разу не вспомнила о том, что у меня был кто-то еще, какой-то скучный красивый мальчик с гривой темных кудрей.

Этот, новый, второй, безумная моя любовь с первого взгляда, стал всем моим миром. Я переселилась к нему в первую же неделю, готовила ему завтраки и ужины, закрывала глаза на измены, воровала продукты из магазинов и стреляла сигареты на улице, потому что у него никогда не было денег, а если вдруг появлялись, он спускал их на других девушек.

Я не спала по полночи, потому что слишком щемило сердце при взгляде на него – просыпалась и смотрела до самого звонка будильника, как ресницы опускаются черными полукружьями на бледную кожу, как длинные пальцы изломанными тенями лежат на белых простынях, как поднимается загорелая грудь при дыхании.

С ним я познала в сексе все то, что не познала с первым, – то есть практически все, что придумало человечество. Мне было все равно, больно это, неприятно или опасно. Если он хотел, я была согласна.

Что угодно – лишь бы с ним.

Неудивительно, что ближе к финалу наших отношений он предложил жить дальше как брат с сестрой, только чтобы я готовила, убиралась и иногда все-таки делала минеты – его новая фаворитка этого не любила. Прочие виды секса он считал изменой.

Но, даже униженная, я бы все равно не ушла. Он выкинул меня, как котенка. Сначала соврал, что уезжает к бабушке на выходные, а в квартире будут травить клопов, предложил перекачаться где-нибудь у подружек пару дней, а потом просто забыл позвонить мне.

Через несколько дней я сама пришла под окна, увидела на балконе голую курящую блондинку и даже не стала подниматься, чтобы поговорить.

Подчиняясь каким-то вселенским законам симметрии, дальше все пошло по спирали, повторяя раз за разом один и тот же сценарий. Третий, пятый и седьмой мои мужчины были скучноватыми, умными и предсказуемыми. С ними было спокойно и тоскливо. Я уходила от них сама, не желая на третьем десятке вести жизнь пенсионерки. Четвертый, шестой и восьмой врывались как ураган, раздербанивали мою жизнь на осколки и обрывки. С ними я напивалась до полусмерти, трахалась в туалетах ночных клубов, возвращалась домой босиком через полгорода. Они бросали меня максимально жестоко, исчезая в тот момент, когда я была особенно уязвима.

Олега я проверяла всеми возможными способами – видела его пьяным, усталым, невыспавшимся... Мы с ним съездили вместе в отпуск, в «Икею» и даже переклеили обои. Он безропотно дарил колбасу вместо бесполезных дорогих роз, покупал правильные прокладки и всегда приходил на свидания вовремя.

Он был идеальным. Он мне нравился.

Я не собиралась его бросать, потому что знала: по традиции я до смерти влюблюсь в десятого и останусь с разбитым сердцем и сломанной жизнью.

День, когда все изменилось

Утро началось как обычно: с растворимого кофе, бутерброда с сыром и пробежки за автобусом. У меня было правило – если я успела дойти до поворота, прежде чем автобус остановился на светофоре, то я бегу за ним до остановки. Если не успела, он может хоть час простоять с открытыми дверями, я буду так же упорно стоять напротив, но не сяду в него.

Из метро я обычно поднималась на крайнем левом эскалаторе. Огибала газетный киоск только сзади. Пока шла до офиса, мысленно перечисляла все ежемесячные закупки в определенном порядке.

Раньше я курила, и надо было успеть докурить сигарету прежде, чем зайду под эстакаду, но после тяжелого воспаления легких курить пришлось бросить. В первый раз после болезни было очень-очень страшно идти от метро к работе без сигареты. Казалось, этот ритуал заклинает демонов, владеющих моим начальником, и, если все сделать правильно, он меня не уволит. Поэтому, чтобы успокоиться, я принялась вспоминать всю рутину, о которой забыла за два месяца в больнице. Список из десятка сортов чая и капсул для кофемашины, сливок, молока, печенья, салфеток, бумаги для принтера, ручек, фильтров для увлажнителей, корма для рыбок, туалетной бумаги, скотча, мыла, и так далее, и так далее крутился в моей голове, складываясь в успокаивающую мантру, и с ней на устах я вошла в офис.

День прошел великолепно. Правда, теперь я не могу избавиться от этих мыслей.

Я ненормальная?

Нет, нормальная. Я узнавала. Спросила у психолога, не докачусь ли я до того, что буду считать листики на деревьях и мыть руки раз в пять минут? Но он только улыбнулся.

Выбирать дальнюю кабинку в офисном туалете, класть четное количество ягод на тарелку, дотронуться до ручки двери, выходя на улицу, не наступать на люки и швы плитки – это еще не сумасшествие. Вот когда я три часа простою на переходе, дожидаясь тринадцатой по счету красной машины, тогда можно будет волноваться.

Я не стала ему рассказывать, что пока левый эскалатор был на ремонте, я выходила из метро через другой вестибюль.

– Сергей Андреевич, можно?

Я для приличия побарабанила по косяку двери, ведущей в начальственный кабинет.

– Да, конечно, Евочка, когда я тебе отказывал? – Начальник даже направился к кофеварке. – Тебе капучино? Без сахара?

Сергей Андреевич был бы звездой любого офиса. Он высок, красив и импозантен. У него темные волосы и голубые глаза, идеальные костюмы и дорогие часы, нос с горбинкой и ямочки на щеках, сексуальная небритость и жилистые руки – все, от чего девушки укладывались бы штабелями.

Да вот беда – у нас работают одни мальчишки-программисты, кондовые и суровые, из тех, что могут год питаться крошками из клавиатуры, носят лохмы ниже плеч и страшненькие свитера. Причем Сергей Андреевич, кажется, специально таких подбирал – у конкурентов давно и девушки кодят, и юношей выучили слову «барбершоп». Зато редким девушкам – мне, секретарше, бухгалтерии в полном составе и двум посменным красоткам с ресепшена – достается все его внимание. И даже кофе из монарших рук.

Тут бы и сказать, что мой начальник девушками в принципе не интересуется, поэтому все это счастье не про нас, но все намного-намного хуже: Сергей Андреевич уделяет внимание нам всем одинаково. Он не женат, не обручен и никем не занят. С женщинами флиртует, к мужчинам равнодушен.

Человек-загадка.

Зато его всегда можно использовать для поднятия самооценки, если день не задался.

– Евочка, ты сегодня выглядишь просто божественно! А цвет лица такой, как будто только из отпуска. Может, тебе он и не нужен? Давай отменим, а то мы без тебя каждый раз невыносимо скучаем. Только Трудовой и Уголовный кодексы мешают держать тебя тут круглогодично.

– А я по делу.

У меня целая стопка с распечатками, в которых отражен анализ моей эффективности – да, у офис-менеджера тоже есть KPI! – у меня бухгалтерские сводки с экономией расходников, у меня отзывы в рабочем чате о том, как стало комфортно работать с новым сортом чая, а еще – ссылки на вакансии с зарплатой выше, чем у меня, и данные пропускной системы о том, сколько часов я провела последний месяц в офисе.

И главное – у меня под пяткой старый советский пятак, и я сбегала в соседний офис погладить трехцветную кошку.

Я полностью готова к разговору о повышении.

Сработала, конечно, кошка. Или пятак? Сергей Андреевич одним движением руки отменил мои попытки вручить ему всю эту кипу бумаг, выбрался из своего начальственного кресла и уселся на край стола поближе ко мне:

– Евочка, ну как ты можешь подумать, что я не замечаю твоей прекрасной работы? Скажу по секрету, – он доверительно понизил голос, – я не повышал тебе зарплату до сих пор только из-за слухов. И так все говорят, что я благоволю к тебе больше прочих, а если выдать тебе премию или повышение без твоей просьбы, это станет совсем очевидно.

– А вы благоволите? – улыбнулась я. У нас странные отношения – он называет меня на «ты», я его на «вы», но флирту это не мешает. – Есть чему становиться очевидным?

– Эх, Ева! Я же видел твоего бойфренда, зачем ты разбиваешь мне сердце! – Сергей Андреевич окинул меня абсолютно мужским оценивающим взглядом, настолько заряженным, что я даже отмела нашу последнюю версию о его асексуальности. – Как только бросишь своего увальня, сразу приглашу тебя на ужин.

– Зачем мне его бросать? – растерялась я. Это какой-то новый заход, раньше такого не было.

– Потому что ты в последний месяц задерживалась не только из-за реорганизации, – он кивнул на мои распечатки, – неужели ты думаешь, я правда совсем тебя не замечаю? Какие у тебя потухшие глаза по утрам, когда ты приходишь, как они разгораются днем и снова тухнут, когда собираешься домой. Ты оттягиваешь этот момент как можешь, это очень заметно.

Он говорил без насмешки и совсем не флиртующим тоном, напротив, озабоченно, так что я растерялась, не понимая – это он серьезно?

Он серьезно?

Вот это повод задуматься.

Сергей Андреевич кивнул мне:

– Обсудим этот вопрос на будущей неделе, когда все устаканится.

Надеюсь, речь все-таки о повышении, а не об ужине, когда я брошу Олега.

После работы я решила забежать в магазин за вином, чтобы отметить не очень отрицательный ответ начальства. Побросала в корзинку спагетти, соленую рыбу, помидоры, авокадо и тщательно выбрала две бутылки вина – сегодня пусть будет французское. Зашла за творогом и йогуртами и, выбирая их на полке, отдернула руку, чуть не задев десерт «Эрба».

Его брать было нельзя. Ни в коем случае.

Я ела его всего два раза в жизни.

Первый раз – когда только-только устроилась на первую свою настоящую работу в офисе. Я купила два стаканчика, поставила в холодильник, один съела в обед, другой оставила на завтра. Но вернувшийся из командировки в Лас-Вегас большой босс, проигравшись там в пух и прах, решил сократить всех

«дармоедов». Офис-менеджер попадал в этот список по определению.

Уходя, я убрала второй стаканчик в сумку вместе с конвертом, в котором лежали мои «отступные». Мутноглазый парнишка-наркоман, который приставил к моему горлу лезвие ножа в подъезде, десерт брать не стал. Только конверт.

Второй раз я взяла «Эрбу», чтобы перекусить, пока ждала жениха – свою попытку номер шесть – у ЗАГСа. Он опаздывал с работы, а я сильно проголодалась. Орехово-шоколадный десерт был очень вкусным.

Меня долго потом тошнило им в ближайшем перелеске после разговора с глубоко беременной блондинкой, которая подошла ко мне, сверяясь с фотографией в телефоне. Ей было совершенно непонятно, почему мой шестой и очень любимый мужчина хочет жениться на мне, а не на ней. Ведь она носит его сына.

Больше я никогда даже не смотрела в сторону этого десерта.

Я не собиралась рисковать даже для того, чтобы проверить – совпадение это или правда злой рок?

В одну-единственную открытую кассу уже выстроилась длинная очередь, и я со вздохом встала в ее конец. Почему днем здесь всегда три скучающих кассирши, а вечером зашивается одна?

Но сейчас у меня было подозрительно хорошее настроение. Стоять в длинной очереди в кассу в «Пятерочке» и чувствовать себя хорошо – это что-то нездоровое. Так не бывает.

Что со мной? Разговор с начальством обрадовал? Вроде не очень. Рабочий день закончился? Но Сергей Андреевич прав – домой я не слишком рвалась. А уж встреча с «Эрбой» и воспоминания, которые она пробудила, и вовсе не годились как повод для радости.

И тут поняла.

Вместо привычного затхлого запаха подгнивших овощей и промокших коробок меня окутывал мой любимый мужской аромат – «Homme» от Dior. Я однажды купила его в дьюти-фри в аэропорту кому-то в подарок, но не смогла отдать, так и оставила себе. Тонкий, необычно мужской, с нотами ириса и древесины, чуть отстраненный – и очень дорогой.

Передо мной в очереди сейчас стоял человек, пахнувший этим парфюмом, и он был мужчиной той породы, что не часто встретишь в эконом-магазинах – темные волосы, уложенные так, что кажется, он просто пригладил их после душа, песочного цвета свитер крупной вязки и такого же оттенка джинсы, трекинговые ботинки стоимостью с весь мой зимний гардероб... Он так неуловимо отличался, что сразу и не скажешь, что именно выдавало разведчика из другого мира ступеней на сто повыше нашего нищевродского района! Только набор продуктов у него в корзинке снизил пафос: бутылка пива, нарезка колбасы и подозрительно вздувшийся салат в пластиковой коробочке.

Если бы я была не я, а кто-нибудь, кто выглядит, как я, но намного-намного смелее, этот кто-нибудь сейчас обязательно бы сказал пришельцу из лучшего мира, что такой салат есть не стоит. Возможно, после этого завязалась бы непринужденная беседа: «А что вы посоветуете из ассортимента в это время суток?» – и, чем черт не шутит, обмен телефонами. Нельзя оставлять человека одного в таком враждебном окружении, он ведь совершенно не приспособлен к существованию в наших краях. Вряд ли в тех местах, где он бывает обычно, водятся несвежие салаты.

Но такой человек может и на фиг послать, если честно. Рывкнуть, что и без сопливых неудачниц разберется. И что лучше бы я думала о доме и о том, что у меня там уже есть не самый худший представитель мужского рода. Этот, конечно, покруче будет – на вид ему лет сорок, но очень удачные, голливудские сорок с сияющей кожей, крепкой, но стройной фигурой и уверенными движениями.

Пока я мучилась, подошла его очередь. Кассирша, которая тоже залипла на роскошного разведчика, только ей больше повезло – она его еще и спереди видела! – вопреки всем внутренним правилам торговли в дешевых магазинах кивнула на салат:

– Испортился.

– Что? – растерянно переспросил мужчина, и я чуть не мурлыкнула от почти физического удовольствия, которое доставил мне его голос. Словно кто-то погладил по руке кусочком меха норки.

– Салат ваш испортился, говорю. Не берите.

– Да? – Он удивленно поднял коробочку и оглядел ее. – А срок годности вроде нормальный.

– Ну так хранили неправильно, – пояснила она. – Возьмите другой.

– Нет, я лучше пиццу закажу, – вдруг ослепительно улыбнулся кассирше мужчина. – Спасибо вам большое за помощь!

Его улыбка моментально подняла температуру в окрестностях градусов на пять. Кассирша, попавшая под направленный луч обаяния, подняла руку, пытаясь поправить прическу, и смущенно опустила ресницы.

Досада спартанским лисенком свернулась в животе и начала усиленно грызть меня изнутри. Ну что мне стоило сказать всего два слова, а? Тогда этот прожектор харизмы был бы сейчас направлен на меня, я бы пунцовела под благодарным взглядом и не решалась поднять глаза, что-то неловко бормоча. А потом вышла бы с ним на улицу...

Да что ж со мной сегодня такое-то!

Салат мужчина оставил на кассе и вышел из магазина, а кассирша так и осталась под гипнозом его феерического обаяния. По лицу ее блуждала мечтательная улыбка, а движения были медленными и плавными, что, конечно же, не ускоряло работу, но я могла ее понять.

Когда, наконец, все мои йогурты и авокадо были сложены в пакетик, а я вышла на улицу, прекрасного незнакомца там уже, разумеется, не было. Наверняка сел в свою дорожную машину и отправился по лунному лучу обратно в сияющие небеса.

Ветер из другого мира

От магазина до дома у нас метров сто, но я решила пойти длинной дорогой, обогнув дом с той стороны, где нет подъездов. Зато есть яблони, испускающие густой медовый запах, развесистые кусты черемухи и сирени, клены, которые пока еще не перекрасились в желто-оранжево-рубиновый, но уже примериваются, и листья, похожие на желтые растопыренные ладошки, скоро будут, кружась, укрывать россыпь опавших яблок.

Здесь почти никто не ходил, даже собачники предпочитали гулять ближе к лесу. Только дворники в оранжевых жилетах иногда стригли траву в июльский полдень.

Этот маленький островок одиночества всегда помогал мне отгородиться от рабочих проблем и подготовиться к встрече с домом. Превратиться из Евы замотанной в Еву заботливую.

Я шла и думала, что должна быть счастлива. У меня сейчас есть все: хорошая и нужная работа, здоровая мама, верная подруга, любящий мужчина. Я собрала все ингредиенты спокойной счастливой жизни!

Но вот такие осенние вечера, когда я возвращаюсь в темноте с работы, захожу по пути в магазин, а потом мой мужчина открывает мне дверь, целует, забирает сумки и помогает готовить ужин – они будут всегда, до самой старости.

Так живут все вокруг, так всегда стремилась жить и я. Молодость нужна, чтобы перебрать все варианты и прийти в итоге к той же самой картинке, к которой пришли миллионы людей до меня. Работа, вечер, ужин, сбросить туфли, налить вина...

Я скривилась, словно воображаемое вино оказалось кислым.

Что-то изменилось после встречи в магазине. Сдвинулся один-единственный камушек в самом нижнем ряду тщательно выстроенного будущего. Я вдруг поняла, что всегда возвращалась по этой аллее не только ради запаха осенних яблок. Мне уже очень давно не хочется возвращаться в свой мир.

Но другого я никогда не представляла.

А сейчас этот инопланетный разведчик дал мне шанс туда заглянуть... Нет, даже не заглянуть – почувствовать его ветер на своей коже.

Ветер мира, где нет затхлого запаха «Пятерочек», нет работы с девяти до шести с обеденным перерывом, нет одной и той же дороги от остановки автобуса до магазина и от магазина до подъезда. Нет одной и той же квартиры на всю жизнь: на следующие пять лет с бежевыми обоями, потом еще на десять с зелеными в полоску и потом уже до самой смерти – с синими цветами.

И дело даже не в том, что мне это все не нравится. А в том, что оно – навсегда.

В этом дворе я живу почти тридцать лет, с самого рождения. Вон там моя школа, а вон та дорожка ведет к детскому саду, где я помню каждый бетонный вазон у ворот и уверена, что в левом, в самой глубине, все еще закопан пластмассовый синий солдатик, которого я украла у друга детства Сашки.

И оставшуюся половину жизни проживу здесь же. Где родился, там и пригодился – утешительная мудрость для таких, как я.

Когда бабушка с дедушкой умерли и завещали маме квартиру, она оставила эту мне, а сама уехала жить на северо-запад Москвы, где и экологическая обстановка получше, и люди живут побогаче и попримачнее. А я осталась в своем родном пролетарском районе. Иногда я жалею, что у меня есть своя квартира – если бы приходилось снимать, я могла бы менять места, где я живу. Хоть что-то менять!

Но по четвергам у меня нет времени на экзистенциальное отчаяние. Эти лишние пять минут – максимум, который я могу себе позволить. Потом надо возвращаться домой, готовить ужин, гладить блузку на завтра, смотреть с Олегом кино, заниматься сексом и ложиться спать не позже полуночи, иначе не выплюсь. Так что я выдохнула, собралась и завернула за угол.

На этот раз никто не переезжал, и дверь подъезда была закрыта, пришлось лезть за ключами. Я ткнула «таблеткой» в домофон, распахнула дверь и рванула вверх по лестнице к лифту, перескакивая через ступеньку. Есть у меня такая примета: если успею нажать кнопку вызова до того, как хлопнет входная дверь,

то дома все будет хорошо.

Успела – кнопка щелкнула, загорелась, и я облегченно выдохнула. Но дверь почему-то все не хлопала и не хлопала. Я сделала шаг, выглядывая из ниши с лифтом – кто-то ее придерживал, видимо, читая объявления на двери подъезда. И как мне теперь засчитывать приметку? За хорошую или за плохую?

Наконец дверь снова распахнулась, и в подъезд вошел тот самый мужчина из магазина в песочном свитере. Он не сразу меня заметил – говорил по телефону, точнее, раздраженно рычал в трубку:

– Вот скажи, а в запрете какой тайный смысл? Почему я не могу пожить в собственном доме в Лондоне? Думаешь, вырвусь и сбегу куда-нибудь в Конго? Зачем мне это?!

Его голос, раньше показавшийся мне таким мягким, будто шелковым, сейчас звучал надтреснуто, неприятно – как будто стаскиваешь зубами мокрую шерстяную варежку. Я аж передернулась.

Он поднялся по лестнице, не замечая меня, и еще раз нажал уже горящую кнопку лифта, продолжая вслушиваться в то, что ему говорят в трубке:

– Лен! Нет, Лен, послушай! Вот это ты будешь в суде врать! Мне-то правду скажи! Это просто, чтобы меня добить? Я тебе настолько отвратителен, Лен? Нет! – Он дернулся и прижал телефон к уху, словно вслушиваясь. – Нет, Лен, я не договорил! Лена! Ах ты ж!..

Он опустил руку и с такой ненавистью посмотрел на ни в чем не повинный смартфон, что мне показалось – сейчас шарахнет им об стену. Но он только преувеличенно аккуратно убрал его в карман и развернулся ко мне.

С его появлением запах влажной штукатурки и неизменная, навеки пропитавшая все вокруг вонь дешевой краски растаяли, смытые будоражащим ароматом моего любимого парфюма.

Я чуть-чуть отодвинулась, хотя больше всего хотела сделать шаг вперед. Но как-то неудобно набрасываться на незнакомого человека только потому, что тебе

нравятся его духи.

Он удивленно моргнул, вдруг осознав, что я существую, стою тут перед ним и даже слышала все сказанное.

– Здравствуйте... – сказала я, чтобы как-то прервать неловкую паузу.

Он смерил меня удивленным взглядом и с глубоким недоумением в голосе ответил:

– Добрый вечер.

И снова его голос показался мне похожим на прикосновение шелковистого меха. Во рту мгновенно пересохло.

В этот момент двери лифта открылись, и я как-то машинально, просто следуя многолетней привычке, в них зашла. Иначе так бы и стояла, словно примерзнув к полу.

Он тоже зашел и сразу вдавил кнопку одиннадцатого этажа.

– Мне десятый, – выдавила я из себя.

Уже отвернувшись от меня, мужчина удивленно переспросил:

– Что?

– Мне на десятый, – повторила я.

Он стоял слишком близко в слишком маленьком лифте. В замкнутом пространстве одного квадратного метра я чувствовала его собственный запах под дорогим ароматом «Nomme». Совсем не то же самое, что нюхать флакон или побрызгать на подушку! В сочетании с запахом мужчины древесный, чуть пыльный аромат становился возбуждающим и магическим. Слово безупречно сшитый костюм надели на того, с кого снимали для него мерки – и он сел идеально.

- И что? – еще более удивленно переспросил незнакомец.

- Вы ведь наш новый сосед, заехали в 44-ю квартиру?

- Да, а вы к этому какое имеете отношение?

Да уж, мне лучшей харизмы уже не досталось. Только ледяной недоуменный тон с легкой ноткой брезгливости, будто я прошу у него милостыню, где-нибудь на перекрестке постучавшись в окошко его черного «Бентли».

- Я ваша соседка... – пришлось сделать крошечный вдох, потому что нервничала я все сильнее, и от этого следующие слова прозвучали совсем неловко и двусмысленно: – Снизу.

Горло перехватил спазм, сердце заколотилось, я дышала слишком быстро и глубоко, так что начала кружиться голова.

- А... – уже почти равнодушно отозвался он и добавил рассеянным тоном, уже потеряв ко мне интерес: – И?

- Ну... Принято спрашивать, какой кому этаж, – пояснила я и тут же принялась мысленно ругать себя за это занудство: «Перед тобой такой роскошный мужчина, к которому хочется прижаться, чтобы почувствовать его тепло под мягким толстым свитером, а ты рассказываешь ему правила вежливости для соседей, едущих в одном лифте!»

За те тридцать секунд – точнее, тридцать пять, если учесть, что мы ехали все же на одиннадцатый, – я довела себя до истерического полубморка. А еще хотела оказаться в лучах его харизмы, хоть ненадолго, хоть на миг! Да я бы в том магазине на месте умерла.

Лифт наконец остановился и открыл двери. Я, как под гипнозом, вышла, и только недоуменный холодный взгляд остановил меня.

- Простите? – Мужчина поднял бровь. – Вы же сказали, что живете этажом ниже?

Он придержал закрывающуюся дверь лифта и сделал приглашающий жест.

– Пешком спущусь! – почти выкрикнула я и сбежала вниз по лестнице на свой десятый, чувствуя себя школьницей, на которую наконец посмотрел тот самый старшеклассник, что давно нравился ей.

Это что за реакция такая?

Прислонившись к бледно-зеленой стене рядом со своей квартирой, я попыталась перевести дух и успокоить сердцебиение. Все-таки несколько неожиданно обнаружить мужчину-мечту прямо здесь, в моем мире, в моем доме, у себя над головой!

Я уже привыкла к мысли, что он пришелец из неведомых краев, принц инкогнито проездом, а тут, оказывается, у нас даже вентиляционная система будет общей. Можно по утрам обонять не только диоровские ароматы, а и самые что ни на есть натуральные.

Я нервно захихикала, изо всех сил зажимая рот рукой, просто чтобы смех не перерос в истерику, и тут поняла, что так и не слышала хлопка двери наверху. Значит, он еще не зашел в квартиру и ему отлично слышны мои нервные всхлипывания в тишине подъезда!

Нет места лучше родного дома

Я нащупала в кармане ключи и трясущимися руками отперла дверь. Быстро захлопнула ее за собой и уставилась в глаза своему отражению в темном зеркале напротив двери. Хорошо, что Олег, как всегда, в наушниках и есть время прийти в себя.

– Ты чего свет не включаешь?

Всегда – но не сегодня.

Олег щелкнул выключателем и притянул меня к себе, чтобы поцеловать.

– Видишь, я тебя встречаю. Давай сумку. Как дела на работе? Ого, ты много накупила!

Он придерживал меня за локоть, когда я снимала туфли, и подождал, пока найду тапочки. Олег вел себя безупречно, делал именно то, что я хотела от него вчера. Но почему все так не вовремя?

– Пойдем. – Он потянул меня на кухню. – Смотри, я тебе цветочки купил! Ты же все время жалуешься, что я не проявляю к тебе романтическое внимание. Вот!

Высоченные, с метр, а то и больше, чайные розы стояли на кухонном столе в керамической вазе, едва достигавшей до трети их длины. Казалось, стоит неловко повернуться, и они кувырнутся на пол.

– Там же есть высокая ваза! – Я придерживала розы.

Олег задел стол, проходя к холодильнику, и вся конструкция угрожающе качнулась.

– Где там?

– В шкафу.

Я открыла дверцу. Мне казалось, я убирала вазу на самую верхнюю полку, где склад всего, что редко используется. Но, даже встав на цыпочки, я не могла рассмотреть, там она или нет. Надо табуретку вытаскивать.

– Олеж, посмотри, ты высокий. – Я даже подпрыгнула, но это не помогло. Вот вижу, мясорубку вижу, а зеленый бок – это ваза?

Олег поставил недоразобранную сумку на пол, подошел, бросил короткий взгляд:

– Не вижу никакой вазы.

– Ну, посмотри нормально, она там, далеко, – попросила я.

– Отстань, нет там никакой вазы! – Олег грохнул дверцей шкафа, и ваза с розами опасно зашаталась.

– Олег!

– Что Олег? – раздраженно рявкнул он. – Почему я опять что-то сделал не так? То не встречаю, то не дарю, теперь дарю – опять не слава богу!

– Все так! Прекрасные розы, огромное тебе спасибо! – Я чмокнула его в щеку, успокаивающе погладила по плечу и потянулась за табуреткой. – Только они перевесят и грохнутся. Надо подрезать и поставить в вазу повыше.

– То есть я неправильные розы купил? Цвет тебе тоже не нравится? Может, ромашки надо было? Ты продолжай, не стесняйся! – Олег начал заводиться.

– Я не так выразилась, прости. Олег, ну чего ты... – Я вдруг почувствовала, что где-то в желудке начинает закипать кислота.

– Что Олег? Что опять Олег? Почему ты придираешься вообще ко всему, что я делаю? Секс не такой, еда не такая, не встретил – плохо, встретил – еще хуже! Не дарю цветы – мудака! Дарю – неправильные!

Я уже взяла в руки табуретку, чтобы стать на нее и поискать вазу наверху, но тут кипящая кислота плеснула через край. Я не выдержала и грохнула табуреткой об пол:

– Хватит! Хватит на меня орать!

– Ты еще не слышала, как я ору! – проревел он мне в лицо.

– Да пошел ты на хер! – заорала я в ответ.

– Сама пошла! Овца! Святая Ева! Бедная, так устала, что уже забыла, когда дома убиралась или пожарить готовила! Зато про цветы не забываешь!

– Я работаю!

- А я, блядь, наверное, в игрушки тут играю! У меня зарплата побольше твоей!

- А мне что с нее толку! Еду я покупаю на свои!

- Кто тебя в отпуск возил, а?

- Если б ты столько не жрал, я бы сама себя свозила!

- Ты бы вообще без меня обошлась, да?

- Да!

- Ну и обходись!

Дверь в комнату шарахнула так, что, кажется, содрогнулся весь дом с первого по четырнадцатый этаж. И следом послышался гулкий удар в нее.

Я фурией ворвалась к Олегу:

- Какого хера ты тут творишь?!

Он потирал кулак, глаза у него были бешеные.

Я развернулась и увидела, что в двери красовалась отчетливая вмятина.

- Да ты осатанел вообще, псих?!

Он дернул дверь шкафа, вывалил оттуда весь хлам: занавески, скатерти, лишние подушки и одеяла, грохнул чемоданом об пол и начал сгребать туда свои вещи с полок.

- Ебанат... - прошипела я, привалилась к двери спиной, сложила руки на груди и прокомментировала: - Давай, давай. Ничего не пропусти, мне твои дырявые трусы не нужны. Комп тоже в чемодан сунешь? И говнодавы свои? Журналы не забудь, мне этот хлам не нужен. У тебя там волшебный сундук из «Гарри Поттера»? Или сразу «Выручай-комната»? Может, там и будешь жить? Идти-то

тебе некуда. Сразу в свою Рязань свалишь?

- Заткнись! - рявкнул Олег. - Просто заткнись!

- Если я заткнусь, ты сейчас передумаешь и снова сольешься!

- Я тебе настолько надоел?

Я чиркнула ребром ладони по горлу:

- Вот так вот!

- Так что ж молчишь? - Он сделал шаг ко мне, я вжалась лопатками в дверь, но взгляд не отвела.

- Я молчу?! - изумилась я. - Вот и говорю - вали!

Олег швырнул свитер, который держал в руках, на пол, метнулся к компу, повыдергивал провода, бросил их тоже, поволок монитор к чемодану, за что-то зацепился, выматерился, уронил его на стол...

И вдруг замер, опустив руки.

Я тоже застыла, тяжело дыша и слушая свое яростно колотящееся сердце.

Минуту, а то и две мы провели в напряженном молчании, не двигаясь, только успокаивая дыхание. Олег смотрел куда-то в окно, я смотрела на него. Он опустил глаза, потер кулак - на костяшках остались ссадины - и тихо сказал:

- Ев...

- М-м-м? - Я не собиралась облегчать его участь и идти навстречу.

Он подошел ко мне, все еще опустив голову, ткнулся лбом в лоб, оперся о дверь ладонями по обе стороны от моей головы. Между нами оставалось крошечное расстояние, и я чувствовала его дыхание и тепло его губ. Надо было его

поцеловать.

Но я была все еще чудовищно зла.

– Хватит, Ев. Я же тебя люблю, – тихо сказал он и потянулся ко мне.

Я молча мотнула головой, снова избегая поцелуя.

Олег сгреб меня в объятия, уткнулся в шею и глухо проворчал:

– Дурацкие цветы. Не было их – и не ссорились. А ты еще спрашиваешь, почему я их не дарю.

– Не спрашиваю. – Я остывала очень медленно, но все-таки остывала. – И так понятно. Тебе просто насрать.

Теперь я точно знала, как работает моя примета насчет двери подъезда. Она все-таки должна хлопнуть! Иначе происходит что-то такое, как сейчас.

– Глупости. Давай, скажи мне, какие у тебя любимые цветы, я запишу. Длина, цвет, сорт... Только такие и буду дарить.

– Ой, да забей. Лучше купи что-нибудь вкусное. – Я с неохотой расплела сложенные на груди руки и обняла его за шею, сама потянулась губами – и поймала поцелуй.

– Давай сбегая в магазин, – предложил он. – Что ты хочешь? Пива? Мороженого? Шоколадку? Салатик какой-нибудь готовый, чтобы на кухне сегодня не возиться?

– Я там вина купила! – вспомнила я. – И персики. Давай? Мне начальник сказал, что подумает о повышении. Это не точно, но уже половина дела, можно отпраздновать.

Мы вернулись на кухню.

Я не стала снова говорить о розах, просто отнесла их в ванную, набрала воды и отправила пока поплавать. С вазой разберемся как-нибудь потом. Олег уже разобрал сумку с продуктами и достал вино. Готовить никому не хотелось, решили обойтись фруктами и сыром. Нашли толстые белые свечи, я выключила свет и устроилась рядом с Олегом, положив голову ему на плечо. Он подливал мне вино, подкладывал полупрозрачные ломтики сыра, кормил истекающими соком персиками из своих рук, а потом мы долго целовались, обмениваясь терпким вкусом вина на губах.

К концу второй бутылки глаза у нас блестели, а дыхание срывалось, но Олег держался, помня о своем обещании не настаивать на сексе. Поэтому я первая перешла к активным действиям, устроившись на коленях перед ним и потянувшись к ширинке.

Соседские скандалы

Пить вино в четверг – очень плохая идея.

Утро пятницы не задалось. Стараясь не расплескать боль, налитую по самые края черепной коробки, я доползла до ванной в надежде, что после душа станет полегче, и с отвращением уставилась на плавающие там чертовы чайные розы.

Конечно, вчера нам было не до них.

Наклоняться, вылавливая сначала цветы, а потом листочки от них, было физически больно. Толстые стебли с воодушевлением кололи меня иголками, лепестки норовили опасть раньше времени прямо на пол, но было уже наплевать. Пусть валяются.

На кухне, разумеется, все осталось как было вечером – засохший сыр на блюде, заветрившиеся персики и стекший на скатерть парафин от свечей. У нас ведь нет маленьких гномиков, которые прибирались бы по ночам!

Потом я обнаружила, что Олег так до конца и не разобрал сумку. Творожные сырники, которыми я планировала позавтракать, расплющились под упаковкой яиц

и заодно испачкали йогурты. Я отмыла одну баночку от липкой творожной массы, села на край дивана и съела с очень мрачным видом.

Больше всего бесило, что, пока я ковыляю по квартире, постанывая от отвращения к реальности, зараза Олег спокойно спит. Точнее, он проснулся, попросил принести водички и снова заснул. Ему в офис не надо, можно даже взять выходной и спокойно поработать, когда полегчает. Закажет небось сейчас остренький фо-бо с доставкой и будет страдать в комфорте. А у меня впереди метро...

Рабочий день тоже не задался.

Чертов принтер, из-за которого мне во время переезда вынули весь мозг, сломался, и я догадывалась, что не сам по себе. Не поделили два отдела этот ценный аппарат, как две женщины – младенца в известной притче о царе Соломоне, и приняли решение, достойное Александра Македонского, разрубив к чертям гордиев узел.

Заодно в процессе переезда пали смертью храбрых несколько столов, стульев и мониторов. Никто не мог вспомнить, куда в порыве улучшайзинга убрали запасы бумаги. Под шумок отделы наворовали друг у друга печенек, сахара и чая. Разнообразия им захотелось. Взрослые люди, мать их!

В обед я спряталась в бухгалтерии, где меня кормили шоколадкой от нервов и поили коньяком от похмелья.

По пути домой я даже на швы между плитками старалась не наступать и тщательно обходила люки. Если сегодня еще хоть что-нибудь пойдет не так, я просто взорвусь!

Хотелось просто прийти домой, поскулить в подушку от так и не прошедшей головной боли, поужинать, выпить чаю и лечь спать. Все! Все!

Я не в силах повлиять ни на коллег, ни на начальство, ни на вырливающую со двора машину, которая внаглую объезжает шлагбаум по тротуару и обливает

меня водой из лужи. Все, что я могу, – заклинать этот мир своими ритуалами, замечать в нем тайные закономерности, которые делают его немного более предсказуемым, и просто не наступать на люки. И выбирать левый эскалатор. Использовать все обнаруженные секреты, чтобы сделать свою жизнь хоть чуточку проще.

Поэтому я открыла дверь подъезда как можно шире. Так она хотя бы на пару мгновений дольше держится перед тем, как захлопнуться, и дает мне больше времени проскочить и нажать кнопку лифта. Нечестная игра, но иногда можно.

Вчера прекрасный, но нервный сосед помешал примете сработать. В этот раз я специально оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что никто не последует за мной и не испортит тем самым мой ритуал по заклинанию спокойствия и тишины в доме хотя бы на этот вечер.

Все чисто.

Я задержала дыхание, отпустила дверь, рванула по лестнице вверх, перепрыгивая через ступеньку, чтобы успеть нажать кнопку... и чуть не уткнулась прямо в чертова соседа!

На этот раз он был в классическом темно-синем пиджаке с белой рубашкой и джинсах. Не такой уютно-роскошный, как в прошлый раз, но этот стиль шел ему еще больше. В моем подъезде, где стены покрашены в самый унылый зеленый, который только можно вообразить, на полу лежит обколотая и замазанная цементом плитка двадцатилетней давности, на дверях лифта выцарапано: «Секаса хочу» и «Наташка – жопа», его элегантный образ в стиле «кежуэл» выглядел так, будто кто-то в фотошопе неумело наклеил профессиональный снимок из каталога «Бриони» на фотку, сделанную мобильником.

Мне казалось, от него исходит сияние. А может, это просто плохо обтравленные края фотографии? Пиджак был застегнут на одну пуговицу, манжеты рубашки выглядывали из-под рукава, я уверена, ровно на полтора сантиметра, и даже джинсы идеального классического цвета индиго. Его присутствие подняло уровень элегантности всего нашего квартала раза в два, если не в три.

Вот этот неловкий момент, когда я чуть не врезалась в него – запыхавшаяся, с безумным взглядом, устремленная к вожделенной кнопке, – а потом изумленно

затормозила, наконец-то заметив препятствие, наверное, запомнится мне теперь на всю жизнь. И всю жизнь я буду сжимать пальцы от неловкости и кусать губы, мысленно видя, как ползет вверх четко очерченная бровь, изгибается уголок рта, а взгляд его темных глаз из рассеянного становится изумленным.

Кнопку я, разумеется, не нажала, и услышала, как за спиной громко блямкнула дверь подъезда.

Блин!

Сосед сверху смотрел на меня с насмешкой, словно зная о моих глупых ритуалах. Казалось, что моя кровь закипает... Меня штормило, горячие волны то приливали к щекам, то откатывались, оставляя за собой изморозь озноба. Мне становилось то стыдно, то неловко, то вдруг невыразимо приятно от того, как внимательно его взгляд изучал меня.

Я все-таки потянулась к кнопке лифта, потому что никто из нас так его и не вызвал. Его пальцы постукивали по стене рядом с ней, и вдруг я увидела то, чего не замечала раньше.

У него обручальное кольцо.

Вот черт!

Давайте, расскажите мне, что мои ритуалы не работают, что приметы – просто суеверия и ничего не случится, если я разочек их нарушу!

Я же не дура, у меня аналитический ум и IQ выше среднего. Я бы не стала их соблюдать, если бы, черт возьми, эти приметы не сбывались!

Вчера скандал, сегодня кольцо.

Мне казалось, я бледнею просто на глазах. Кровь отлила от лица, и я чувствовала, как холод покалывает щеки.

Видимо, чтобы окончательно меня добить, этот мужчина, от которого у меня подгибались ноги и в голове взрывались фейерверки, вдруг скривил губы и

насмешливо спросил:

- Так вы, кажется, говорили, что живете в квартире подо мной?

- Да.

«Ева, он женат, - сказала я себе. - Все, отведи глаза в сторону. Не важно, почему он спрашивает!»

- Прямо вот соседка снизу?

- Да.

«Ева, у тебя дома свой мужчина, прекрати пялиться на это совершенство!»

- А зовут вас, случайно, не Ева?

- Ева...

Я таяла, как мороженое. Он знает мое имя!

Точно, деградировала до уровня школьницы.

- А мужа вашего - Олег? - уже полуутвердительно сказал он.

- Я не замужем... - машинально ответила я, пока не понимая, к чему он клонит.

- Мне все равно, - отрезал он. - А вот то, что у меня в квартире вчера всю ночь были отчетливо слышны все ваши претензии друг к другу, - вот это не все равно. Почему я должен знать подробности ваших семейных, финансовых и сексуальных проблем? Вы считаете уместным посвящать в них посторонних людей?

И он раздраженно хлопнул ладонью по кнопке вызова.

Я не знала, как оправдываться. Судорожно припомнила все то, что мы с Олегом наговорили друг другу, – и покраснела. Господи. Господи. Нет. Ну, нет! Это все из-за одной захлопнувшейся двери? Или я еще в чем-то провинилась?

В тот момент я с удовольствием рванула бы по лестнице пешком, собрала рюкзачок, села на поезд Москва – Владивосток, перешла границу с Китаем и затерялась в каком-нибудь городе-призраке покрупнее.

Но лифт как раз приехал, распахнул двери, и просто сбежать было бы слишком по-детски. Я и так выставила себя полной идиоткой!

Поэтому я зашла с соседом в лифт – и оказалась в ловушке.

Он выглядел раздраженным и злым, морщинка залегла между нахмуренными бровями, а взгляд метал молнии. Губы кривила гримаса отвращения, но почему-то его огненная злость только притягивала меня.

Когда он потянулся к панели с кнопками, чтобы нажать сначала мой десятый, потом свой одиннадцатый, я на секунду задержала дыхание от того, что в тесном лифте он был слишком близко. Его кожа излучала жар даже через рубашку и пиджак, а запах «Dior Homme» снова манил к себе.

На мгновение я прислонилась к его груди и, вместо того чтобы холодно отстраниться, как предписывают правила вежливости по отношению к соседям, задержалась и глубоко вдохнула его запах – смесь парфюма, холодного ветра, ноток натуральной кожи. Мне не хотелось отрываться.

«Мне жарко, мне тесно, мне невыносимо, – думала я, – это самые странные ощущения в моей жизни. Что я делаю вообще! А если он поймет, что я это специально?»

Но он будто ничего не заметил – нажал кнопку и отстранился, оставив меня в полном смятении.

«Вот черт! Черт-черт-черт! Я не знаю, что со мной происходит, но это очень плохо. Он женат. У меня бойфренд... сожитель... гражданский муж... да какая разница! Но я впервые испытываю такое по отношению к мужчине!»

Мне всегда хватало симпатии, красивых глаз и того, что меня хотят. Даже когда я была отчаянно влюблена, это чувство жило где-то в голове, вгрызаясь в мозг обезумевшей крысой, но не было настолько витальным. Подобной животной тяги я не ощущала никогда.

Он отстранился, и мне пришлось собрать остатки воли, чтобы не прижаться обратно. На сегодня достаточно унижений.

Каждая из тридцати двух секунд поездки до десятого этажа оставила у меня на коже невидимые кислотные ожоги. Я отвернулась и только краем глаза видела рукав пиджака, манжет белой рубашки из-под него, блеск браслета часов. Пальцы у него сухие, с узловатыми костяшками, аккуратными прямоугольными ногтями... Я рассматривала их и просто сходила с ума от того, какие они совершенные.

«Ева, прекрати!»

Я едва дождалась, пока лифт остановится на моем этаже. Даже не дождалась – едва двери начали открываться, я попыталась протиснуться, билась о них, как дурная бабочка о стекло...

И услышала за спиной обидный смешок.

Когда лифт уехал наверх, я закрыла глаза, пережидая, пока отпустит острое ощущение позора, но опять забыла, что ему надо подняться всего лишь этажом выше! И все, что мне оставалось, когда я услышала, как он выходит из лифта, – затаиться и ждать. Слушать, как сосед долго ищет ключи по карманам, находит их и роняет, поднимает, отпирает дверь, ругаясь полупшепотом, и, наконец, захлопывает ее за собой.

Теперь можно было отмереть и открыть свою.

Я рассеянно шарила в сумке в поисках ключей, пытаюсь выцепить их за стеклянный брелок, но мне все время попадались то помада, то коробочка с леденцами, то зарядка для телефона, то еще десяток самых необходимых вещей, которые вечно болтаются на дне и никогда не находятся, когда нужны.

Мысли мои были заняты совсем не ключами. Я пыталась понять, что это вообще было. Может, у меня просто недотрах? Не помню, когда в последний раз получала оргазм. Может, надо просто кончить, и я перестану бросаться на симпатичных незнакомцев?

Мне действительно страшно хотелось секса. Такое взвинченное состояние, как после эротических снов, когда просыпаешься распаленная, так что, кажется, дотронься – и взорвешься.

Я пробовала использовать Олега в такие моменты, но он с подозрением спрашивал, кто это мне приснился, какой чужой и прекрасный мужчина меня возбудил?

Если я сейчас на него наброшусь, у его подозрений будут все основания.

Домашняя кухня

Я не успела нащупать выключатель, а Олег уже был в коридоре. Он забрал у меня сумку, помог снять пальто и поцеловал в губы. Я качнулась к нему, продляя поцелуй. Он обнял меня за талию, я закинула руки ему на шею...

– Посмотришь, что у меня на кухне? – спросил он, прерывая объятия, прямой дорогой, как мне казалось, ведущие в постель. – Я попробовал сделать лазанью, но в соусе то ли помидоров многовато, то ли еще что, не пойму. Фигня какая-то. Я бы поправил – и через пятнадцать минут ужин готов.

– Да, сейчас...

Я сняла сапоги, чувствуя, как горят губы, требуя продолжения. Но Олег ушел к своей лазанье, кажется, даже не заметив моего состояния.

Наши с ним проблемы были не в том, что он хотел секса больше, чем я, а в том, что он хотел его именно тогда, когда я не хочу. Даже не знаю, что противнее – лежать и думать, что ты, современная женщина, почему-то оказалась в ситуации вынужденного брака прошлых веков и теперь смотришь в потолок и думаешь об

Англии, или лежать и злиться, что ему опять «что-то не хочется» и «ты же сама мне объясняла, что это тоже насилие, только над самим собой».

– Сейчас, только руки помою! – прокричала я ему.

В ванной я заперла дверь, включила воду и прислонилась к холодной кафельной стене, поспешно расстегивая джинсы. Пальцы скользнули между ног даже слишком легко – я стала такой мокрой, какой не бывала даже в свои самые жаркие моменты.

Меня мгновенно бросило в жар; капельки пота выступили на лбу. Я закусила губу, почувствовав, как непривычно быстро и ярко начинает нарастать напряжение, доходит до верхней точки, откуда всего десятка два движений до...

– Ты там плачешь, что ли? – перекрикивая шум воды, спросил Олег. – Ева?

Он забарабанил в дверь.

«Черт тебя принес!»

Я быстро застегнула джинсы, сполоснула руки и вышла к нему, улыбаясь:

– Нет, с чего ты взял?

– А что такая красная? – подозрительно разглядывая мое лицо, поинтересовался он, но тут же отмахнулся: – Ладно, соус попробуешь?

– Я... – вымолвила, выдыхая кипящий в легких воздух, – забыла переодеться, минутку!

– Ну, Ева, он же пригорит!

В спальне я скинула блузку и лифчик, втянув воздух сквозь сжатые зубы, и, случайно задев соски, почувствовала, как они вспыхнули от возбуждения. Сняв джинсы, я замерла, едва прикоснувшись к себе через тонкую ткань белья. Вопреки моим опасениям – а теперь еще и надеждам! – тело не собиралось

утихомириваться. Оно требовало разрядки, причем в ультимативной форме.

Я провела пальцами по ткани и сжала рукой свою грудь. Господи! Олег, ну вот что ты не пользуешься, когда надо!

Словно услышав меня, Олег открыл дверь в спальню:

- Ты чего опять застряла? Я вроде чеснока добавил, получше стало. Сама потом не жалуйся. Пошли на кухню, скоро будет готово. О!

Он сделал шаг ко мне, прижался сзади и накрыл ладонями мою грудь.

- Люблю тискать твои сиськи! Так и ходи, футболку не надевай!

- Давай потрахуемся! - не выдержала я, разворачиваясь к нему.

- Давай! - внезапно с энтузиазмом согласился он. - Только после ужина. Зацени мою лазанью, заодно вина выпьем. Давай, надевай штаны какие-нибудь и пошли.

Во время ужина я сжимала бедра, елозила по дивану, терлась об Олега, но он только посмеивался, шутил про возбуждающий эффект красного перца, который добавил в лазанью, и открыл вино, предлагая расслабиться, но до вчерашнего уровня не напиваться. Впрочем, завтра суббота, можно и до синих чертей, если хочется.

К моменту, когда он помыл посуду - «видишь, ты всегда говорила, что сразу лучше мыть, я мою!», - вытер руки и поднял меня с дивана, подталкивая в сторону спальни, о моем возбуждении напоминала только стремительно высыхающая смазка между бедер.

Я снова думала об Англии. И смотрела в потолок.

Интересно, а где жена нашего соседа? Маринка сказала, что заселился один мужчина. Она приедет позже? Или уже приехала?

Неужели они никогда не скандалят, как мы? По-моему, все ссорятся, так чего он тогда завелся? Будет ли она такой же роскошно-элегантной, как он?

– Ты сегодня была какой-то особенно возбужденной! – откидываясь на свою подушку, сказал Олег. – Кто это у вас такой горячий на работе появился, а? Признавайся!

Кстати, лазанья была ужасной.

Воровка почты

Осень – самое время для тюленьих выходных. Можно, спасая урожай, который привезли с дач родные и друзья, готовить овощное рагу из кабачков и шарлотку из яблок, можно лениво читать соцсети, варить кофе с корицей и кардамоном, договариваться с друзьями «когда-нибудь» встретиться...

И не думать ни о каком соседе. В конце концов, Маринку я не встречала иной раз месяцами!

Кстати, она написала, что свадьба пока откладывается, потому что ее будущая свекровь попала в больницу. Потом наступит зима, а зимой жениться неудобно: ни фотографий нормальных сделать, ни погулять как следует. Ну и зачем вообще куда-то торопиться? Они отлично могут пожить и так. У будущего мужа в квартире только свежий ремонт и минимум мебели. Ни кухни, ни занавесок, ни дивана, ни котов. Есть где развернуться девушке, которая годами играла в «The Sims», живя в крошечной съемной квартире.

Правда, мне показалось, что в ее голосе мелькнули те самые нотки самоубеждения, которые я ловила и у себя, когда рассказывала маме, что нам с Олегом отлично живется без штампа в паспорте. Но Маринка с женихом свадьбу вроде не отменили, а всего лишь отложили, так что, надеюсь, это только показалось.

Всю следующую неделю я не встречала соседа. Мне только чудился запах его парфюма в лифте, но его быстро забивала сигаретная вонь – кто-то с нижних

этажей никак не мог дожидаться, пока выйдет на улицу, и начинал курить еще на лестнице.

И следующая неделя тоже прошла спокойно.

С Олегом мы больше не ругались. На работе все вроде устаканилось, хотя я все еще ждала, когда придет время для повторного разговора о повышении. Даже дверь подъезда исправно хлопала уже после того, как я успевала нажать кнопку лифта. Иногда я ее сразу аккуратно прикрывала за собой, говоря судьбе: «Сегодня пусть будет как будет».

И обычно было спокойно.

Я уже совсем расслабилась. Бывали дни, когда я ни разу не вспоминала про нового соседа.

Но однажды пятничным утром, выгребая рекламные листовки из своего почтового ящика, я случайно бросила взгляд на ящик квартиры номер 44. За то время, что прошло с вселения нового жильца, он, похоже, ни разу туда не заглядывал. Ящик был забит так, что муниципальные газеты туда уже засовывали, складывая в несколько раз, листовки просто пихали сверху, а с краю была видна надорванная телефонная квитанция.

А вдруг сосед съехал?

Эта мысль меня поразила. Я тут страдаю, принохиваюсь в лифте, вздрагиваю от любого шума, у себя дома стараюсь говорить полусшепотом, а он давно сменил квартиру, и не пересекаемся мы именно поэтому, а не потому что я, как разведчик, осматриваю все подступы к подъезду, прежде чем туда зайти?

А ведь в ящике, кроме квитанций, запросто могут лежать почтовые извещения или какие-нибудь налоговые уведомления для Маринки или для хозяйки. Еще, говорят, домушники присматриваются к таким заброшенным ящикам и определяют по ним, что хозяева уехали в отпуск, а значит – можно грабить.

Я прикусила губу. Это не мое дело. Совсем не мое! Хотя я знаю, что замок этого ящика открывается и без ключа, надо только надавить сбоку, а дальше можно

отодвинуть запор. Сами разберутся, все взрослые люди. А не разберутся, так мне точно дела нет!

Я вздохнула, развернулась, чтобы уйти... и, разумеется, полезла не в свое дело. Потому что потом Маринка или хозяйка спросят: «Ева, ну тебе сложно было, если видела?» И что я отвечу? Испугалась, что новый жилец ругаться будет?

В ящике была пара квитанций и куча рекламы. Я выгребла ее и сразу выкинула в мусор, квитанции положила назад, с чувством выполненного долга прикрыла обратно дверцу... и вздрогнула от шелкового ехидного голоса:

– А что вы делаете с моим ящиком, Ева?

Я обернулась. Сосед стоял, прислонившись к перилам и поставив ногу в сияющем ботинке на верхнюю ступеньку лестницы. Элегантный серый костюм сидел на нем так, как не на всякой кинозвезде. А им-то ведь наверняка шьют на заказ! Я прямо забеспокоилась – к нашим перилам в таком торжественном виде лучше вообще не прикасаться...

«Хватит, Ева. Ты уже один раз влезла не в свое дело, и вот что получилось».

Я опустила глаза, стараясь не встречаться с ним взглядом. Сейчас оправдание «сосед будет сердиться» уже не казалось мне таким смехотворным. Он и правда сердился, потому что во втором его вопросе шелка было меньше, а ехидство сменилось раздражением:

– Так вы ответите, зачем полезли взламывать мою собственность?

Я вспыхнула и затараторила:

– Ваш ящик был забит, все вываливалось, раньше тут жила моя подруга, и я подумала... – я прервалась и сглотнула слюну, – подумала, что будет по-соседски... – боже, что я несу! – проверить, а хозяйка будет сердиться, но я бы передала все важное...

«Блею, как овца. Какой позор!»

Сосед прошел мимо меня, чуть задев плечом. Не так, чтобы оттолкнуть, а так, что его запах снова окутал меня, и мгновенно, несмотря на прошедшее с той встречи время, снова окунул в кипящее море влечения к нему.

– Хозяйка попросила меня заглянуть в ящик, хотя мне точно ничего не может прийти, – прокомментировал он, открывая замок нормальным ключом. – Счета я оплачиваю через Интернет. Но я не вижу, чтобы тут было что-то важное. Разве что вы, Ева, забрали.

Я мгновенно задохнулась от злости.

Забрала! Взяла и забрала какое-нибудь сраное извещение о пришедшей посылке с Алиэкспресса, а как же! Ева – воровка писем!

– Да вы охренели! – выдохнула я ему в спину, скатилась вниз по лестнице, вылетела прочь и грохнула дверью подъезда со всей силы.

Я мчалась на работу в таком бешенстве, что на переходе перепутала эскалаторы и в толпе запрыгнула на правый. И по пути к эстакаде три раза сбилась в перечислении закупок.

«Да как он смел вообще! Он нормальный?! Где он жил до сих пор, такой красивый, что там люди воровали почту?»

На работе

В офис я влетела, когда рабочий день уже давно начался, и тут же столкнулась с Сергеем Андреевичем, причем начальник был явно не в лучшем настроении. Конечно, я тут же получила выговор – и за опоздание, и за то, что закончилась туалетная бумага, и за то, что накладные, которые должны лежать в одном месте, чтобы бухгалтерия могла их найти, разбросаны черт-те где.

– А еще прибавку хочешь! Ев, ну ты сама подумай, для офис-менеджера аккуратность – главное качество. Мне все равно, любят ли тебя сотрудники, для этого у нас есть штатный психолог. Мне нужно, чтобы все в офисе работало, как

швейцарские часы. Если я не могу тебе в этом довериться, о каких бонусах может идти речь? – отчитал он меня.

Вот и не говорите мне потом, что мои ритуалы – сущая ерунда. Даже не смейте! Они работают. Было бы проще, если бы они работали всегда, если бы в 100 % случаев можно было найти закономерность и проверить ее. Я бы тогда доказала окружающим, что недвижуха!

Я немножко поплакала в офисном туалете, ругаясь то на соседа, то на начальника.

Правда вообще-то состояла в том, что оба выговора были заслуженными. Рабочий понятно почему – мне даже слезы было нечем вытереть, бумага и в самом деле кончилась. А от соседа – потому что на самом деле в глубине души я надеялась найти в том ящике какое-нибудь письмо для него и узнать, как его зовут. Мне чертовски надоело мысленно звать его то красивым хамом, то просто соседом.

Его загадочность, то, что он так явно не вписывался в атмосферу нашего дома, не знал элементарных вещей и исходил из каких-то диких предпосылок, настолько сильно выделяли его из общей массы, что сложно было перестать думать о нем и гадать, почему так получилось.

Где он жил раньше? Почему теперь живет здесь? Где его жена? Как он попал к нам и почему так торопился снять квартиру?

Я вымыла лицо, вышла из туалета и посмотрела на часы.

«Да, молодец, Ева. Сорок минут прорыдать из-за того, что незнакомый мужчина обвинил тебя во взломе почтового ящика. Сорок минут рабочего времени думать о его руках, его костюме и его запахе. Ты молодец! Просто молодец».

За полчаса до окончания рабочего дня я отправилась на офисную кухню – избавлять холодильник от неопознанной и просроченной еды. Кто не подписал свою котлетку и оставил ее на полке одинокой, мог при выходе с работы встретиться с ней и пойти домой вместе.

И в тот момент, когда я спрашивала у гречки в пол-литровой банке, чья она, а гречка упорно не отвечала, начальник похлопал меня по плечу, перепугав до смерти. Боюсь, что гречку тоже – я чуть ее не уронила.

– Ева, я бы хотел перед тобой извиниться за утреннюю резкость, – начал он, и вот тут я и правда испугалась.

– Сергей Андреевич?!

Он никогда не признавал свою неправоту. Никогда. Так что наверняка сегодня где-нибудь пройдет дождь из жаб в честь такого события.

Если только сейчас не выяснится, что все гораздо хуже, чем я думала. Например, утренняя резкость была из-за того, что он не знал, как сообщить мне об увольнении.

Доброта начальства куда хуже начальственного гнева. Лучше всего – спокойный нейтралитет.

– Ева, я понимаю, ты можешь быть на меня обижена, и мне бы хотелось как-то загладить свою вину, – продолжил Сергей Андреевич, загоняя меня в натуральную панику. – Поэтому давай на неделе вместе пообедаем. Например, в «Эзопе»? И обсудим твои карьерные перспективы. Я тут посмотрел твой диплом и не понимаю, зачем ты себя горишь на должности «подай-принеси». Есть куда более интересные альтернативы.

– В «Эзопе»? – опешила я.

На первом этаже нашего здания находились несколько ресторанов, в которые мы могли ходить на обед: от дешевой чебуречной до более-менее пристойных заведений, где бизнес-ланч состоял из тех же блюд, что и обычное меню, только порции поменьше. «Эзоп» был из них самым пафосным и на бизнес-ланчи не разменивался. Максимум – скидка на меню в обеденное время. И то лишь потому, что здания бывшей промзоны вокруг занимали исключительно офисы – днем ждать клиентов было больше неоткуда.

Но с их ценами даже со скидкой обедать там могло себе позволить только высокое начальство. Я вот в «Эзопе» ни разу не была, даже после новогодней премии.

– Не хочу, чтобы о нашей беседе сплетничали в курилке. – Сергей Андреевич положил ладонь мне на плечо, задержал ее там на полсекунды дольше приличного, улыбнулся и вышел из офисной кухни.

Ну да, зато о том, что он пригласил меня в ресторан, сплетничать никто не будет.

Что-то начальник и правда меня чересчур выделяет...

Я занервничала еще больше. Может быть, это просто ерунда? На свидание он бы пригласил меня после работы. Да и сам сказал – мол, только если я расстанусь с Олегом...

А я не собиралась.

Лучшая подруга – вторая мать

– Ир, я, наверное, расстанусь с Олегом.

С Ирккой мы дружим уже года три. Когда моя жизнь становится слишком запутанной, я прихожу к ней, в ее аккуратную вылизанную квартиру, и там, на старомодном кожаном диване, завернувшись в пушистый плед, под неизменный чай с чабрецом и малиновым зефиром, потихоньку раскладываю все по полочкам и нахожу правильные пути.

Наша дружба началась в тот момент, когда я выла в подушку от горя после того, как меня бросил мой номер восемь.

Строго говоря, напрямую он меня не бросал, только заявил, что отныне он полиаморен – то есть любит сразу несколько женщин, причем всех одинаково! И, конечно, намерен оставаться со всеми. Если я соглашусь, мы создадим

полиаморную семью: он, я и его знакомая с курсов английского. Кстати, он с ней уже начал отношения, она не против... А я оказалась «мещанкой» и «ограниченной».

Выла я не метафорически. Каждый вечер на меня накатывала такая тоска, что я рыдала и кричала, била себя в живот, утыкалась в подушку, но сдержаться не могла и часами просто скулила, лежа щекой на холодном полу.

Когда я увидела на двери квартиры записку с просьбой выгуливать собаку по вечерам, то поняла, что с этим нужно что-то делать. Написала в женское сообщество в Интернете, что мне очень-очень нужно с кем-нибудь выпить кофе и поговорить. Откликнулись несколько девушек, но почему-то слово «поговорить» они поняли так, что они мне будут рассказывать про своих собак и детей. Каждый раз, встречаясь с ними, я сидела напротив, пила свой латте, и внутри меня росло желание просто заорать, заглушая их слова, музыку, играющую в кафе, шум шоссе за окном и свою невыносимую боль.

Только Ирка оказалась нормальной. Пришла, заказала бутылку шампанского и велела: «Рассказывай!» В первый раз я проговорила три часа и три бутылки. Во второй – два часа и две. В третий справилась за час, но бутылок все равно ушло две. Потом мы встречались уже не каждый день, а пару раз в неделю, и как-то незаметно я оказалась в курсе всех ее дел, а она моих. И не только про бывшего.

Я стеснялась ей звонить – она всегда звонила и писала первая, вытаскивала меня гулять, требовала похвалить ее новую вышивку, обижалась, когда я критиковала. Она давала мне непрошенные советы, лезла с ногами в мою жизнь, не отличала манипуляций от просьб и просьб от требований. Ни единого грамма такта, ни малейших сомнений в том, что она знает, как лучше...

С тех пор как в восемнадцать лет я оставила Веру в том лесу с тремя подонками, у меня не было других подруг. После того как она перестала ходить в колледж, меня начали сторониться однокурсницы. Да я и сама не стремилась с ними общаться. Мне было не до дружбы – надо учиться, некогда гулять. Хватит, погуляла!

Ирка просто навязала мне себя, и всей моей вежливой непреклонности не хватило, чтобы отделаться от нее. С ней дышалось чуть легче. Ее беспардонность снимала все мои сомнения. И в людях она разбиралась лучше.

Олега мне нашла, кстати, именно она.

– Так. Рассказывай! В чем он провинился? Ударил? Изменил? Проиграл все деньги в автоматы? Испортил лимитку диоровской помады? – Ирка всучила мне чашку с чаем. Запах чабреца я люто ненавидела, но говорить ей об этом было бесполезно. Так что одной порции мне хватало на всю беседу.

– Я пока думаю, Ир... Я не знаю, – теперь мне было совсем неловко жаловаться на Олега. В самом деле, что он такого сделал-то?

– Ну расскажи, что не так?

– Секс. – Я попыталась покраснеть и отпила сразу половину содержимого своей чашки.

– Тебе же нравилось? – удивилась она. – Ну, он тебя до оргазма доводит?

– Не каждый раз...

– Никого не каждый, – отрезала Ирка. – Не балованные.

– Не в этом дело.

– Он тебя не хочет? Ты мне про своего рассказывала... Алексей? Который тебя год не трахал.

– Алекс, да. – Я вздохнула.

Номер семь. Полтора года отношений, из них год как брат с сестрой. Все время оправдывался тем, что он устал. Даже отпуск не помог. Я была готова прожить с ним жизнь и состариться вместе, но все-таки не в двадцать пять.

– Что, и Олег так же? – ужаснулась Ирка. – Во мужики пошли! Мне моя сменщица тоже рассказывает, что Новый год чаще...

– Да нет, противоположная проблема, – вздохнула я. – Пристает, когда я не хочу. А если отказать, ходит, как тот варан, и смотрит.

– Какой варан? – не поняла Ирка.

– Помнишь, была история про мужика, которого укусил его домашний варан и потом ходил за ним по пятам? Мужик думал – извиняется, а тот на самом деле все ждал, когда жертва сдохнет от яда.

Ирка заржала так, что пролила на себя чай.

– Я просто представила! Укусил и ждет, когда захочешь! – Она закатилась опять.

– Так, мать, что-то ты веселее обычного, – забеспокоилась я. – Хорошо пятницу отметила?

– А чего не отметить? Благоверный мой опять в рейс ушел, вот я и скучаю. Что еще делать?

Иркин муж – дальнобойщик. Вот уж у кого сексуальная жизнь по расписанию! Зато когда он возвращается после месяца отсутствия, она потом два дня с трудом по лестнице спускается.

– Ну, в общем, я немножко устала уже от секса. Иногда думаю, как бы увильнуть. Даже стала говорить, что голова болит, – призналась я.

– Не боишься, что уведут?

– Ир, я же с чего начала?

– Все-таки всерьез думаешь бросить? Эх, такой мужик! Себе бы взяла, да некуда!

Олега она мне нашла на «Фейсбуке» – откопала где-то среди чужих списков друзей путем методичного перебора. Ирка подбивала меня просто найти любовника для здоровья и не мучиться. А для любовника что главное? Ну, кроме того, что в «Фейсбуке» не проверишь?

Правильно – внешность! Поэтому она отсеяла всех, кто не подходил под ее критерии красоты: чтобы живот подтянутый, сам не лысый, не обрюзгший, можно немного седины, если старше сорока. Олег был реально хорош и только недавно вернулся в Россию после работы в Скандинавии. Почему он там не женился, было понятно после взгляда на шведских мужчин, и почему себя в форме держал – тоже.

Ирка завела с ним беседы о музыке, о фильмах, о музее Астрид Линдгрэн – фото оттуда он неосторожно выложил у себя на страничке – и постоянно тягала меня: мол, посмотри, ты интересовалась. У нее самой в анкете в графе «семейное положение» красуется крупным планом фотография мужа-дальнобойщика неслабых габаритов со свернутым носом, поэтому Олег был с ней предельно корректен... и попался в ловушку.

Пока шла осада, Ирка проверяла Олега по чек-листу:

Зарплата – хорошая.

Детей – хочет.

Родители – здоровые.

Образование – высшее.

Хобби – оно же работа.

Долго жил самостоятельно, неприхотлив в быту.

Был женат в ранней юности, детей нет.

Не сидел, не привлекался, политические взгляды умеренные.

Уверена, не останови я ее, Ирка наняла бы хакера и выяснила, какое порно он смотрит! Впрочем, оказалось, что тоже умеренное – самое обычное, без изысков.

Идеальный мужчина!

Меня срочно научили готовить креветки в соусе блю-чиз, сломали мне ноутбук и отправили с Олегом смотреть какой-то много раз награжденный скандинавский фильм на языке оригинала.

К третьему свиданию я пожаловалась на ноутбук и похвасталась креветками. К сожалению, мы с Ирккой не учли, что программист отличается от ремонтника, но Олег понял намек, и все у нас завертелось.

Ирка с тех пор считает себя нашей крестной феей. И вот теперь такой облом.

- Ну, уйдешь ты от него, дальше что? У тебя есть кто-то на примете?

Я отпила глоток чая, скривилась от запаха чабреца и отставила чашку подальше. Взглядом опытной женщины, у которой уже почти десять мужчин, а счастья все нет, мысленно просканировала свое окружение. Небогато.

Про соседа молчу – во-первых, он хам, во-вторых, женат, в-третьих, роман там, где работаешь, и роман там, где живешь, – абсолютное табу. Поэтому следующая мысль, про начальника, тоже отмечается!

Еще я с трудом вспомнила пару-тройку знакомых в соцсетях, с которыми мы обмениваемся ленивыми лайками и редкими комментариями. Вроде у них в семейном статусе стоит слово «холост», хотя в наше время ни в чем нельзя быть уверенной. При желании, наверное, реально вытащить их куда-нибудь выпить, раскрутить на следующее свидание...

«М-да, энтузиазм из меня так и хлещет».

Мое молчание Ирка поняла совершенно правильно:

- Всех вспомнила? Если поискать, в контактах телефона где-нибудь еще найдется парочка однокурсников и какой-нибудь «Тимофей, ремонт стиралок», да? Тоже отличный вариант.

- Ир, но и дальше так жить нельзя. Ложиться в постель и надеяться, что все закончится побыстрее. Чувствую себя какой-то проституткой, ей-богу.

- Олег тебе платит? - хохотнула Ирка. - За секс?

- Нет... - Я вспомнила нашу недавнюю ссору и опять разозлилась. Нашел чем попрекать - тем, что он больше зарабатывает! А мне что с того? Вкладывает он столько же, сколько я, только на мне ежедневные траты, а на нем крупные.

- Тогда не зазнавайся, до проститутки тебе еще расти и расти!

- Но это ненормально, Ир!

- Норма - состояние большинства. Стало быть - нормально. Все терпят.

- Все? - Я изумилась. - Помнишь же, с Алексом проблема была в другом...

- И ты тогдашняя себе сегодняшней страшно бы позавидовала, скажешь, не так? Мужик каждый день в постель тащит, а она еще недовольна!

- Ну, не может быть, чтобы все женщины делились на тех, кто страдает без секса, и тех, кто страдает от секса.

- Есть те, кто страдает без денег. Или потому, что муж пьет. Или потому что она хочет детей, а он нет. Все что-нибудь терпят, Ева. Жизнь - это череда компромиссов. Идеальных мужчин не существует. Но и идеальных женщин тоже.

- Эй! - Мне захотелось разбавить ее трагичный тон. - А как же я? Разве я не идеальна?

Я вскочила с кресла и повертелась, глядя на свое отражение в стеклах шкафа. Стройные ноги, тонкая талия, хорошая кожа... Лишние килограммы налипают с годами, конечно, гораздо быстрее, особенно зимой, но сейчас я в своей лучшей форме. Грудь небольшая, но упругая, ресницы длинные, причем свои, даже пухлые губы хороши без улучшений. И короткое каре мне очень идет, наконец я нашла свою прическу.

- Дорогая, тебе сколько лет? - Ирка сразу нанесла удар в нежную сердцевинку.

- Двадцать девять.

– Почти тридцать, дорогая. Все. Последние недели твоей молодости тикают. Для мужчин ты просто перестанешь существовать. Для них и двадцать – уже много, хотя приходится смириться, что свеженьких на всех не хватит. Но бабы после тридцати интересуют только мужиков после пятидесяти, и то самых завалящих.

– Ир!

– Что, неправда? – Она сощурилась.

– Правда... – Я упала обратно в кресло и с горя отхлебнула остывшего чая с чертовым чабрецом. – Но можно было как-то понежнее.

– Тебе скажешь понежнее – ты, задрав хвост, помчишься на поиски приключений. Пока не поймешь, что ничего лучше не светит, Олега тут же подберет кто-нибудь поумнее.

Ирка пошла заваривать новую порцию чая, а я осталась осмысливать наш разговор. Обиднее всего почему-то было за прическу. Вот так мучаешься всю жизнь с волосами: экспериментируешь, стрижешься, красишься, отращиваешь, восстанавливаешь, и только-только найдешь то, что тебе идет, – а молодость прошла, остается только завернуться в простыню и ползти на кладбище, стараясь укладку не помять. Не успела порадоваться, как уже все.

Ближе к полуночи я вышла от подруги на свежий осенний воздух, вдохнула пронзительную октябрьскую ночь и почувствовала легкий укол вины из-за того, что так и не рассказала ни про начальника, ни про соседа. Сама понимаю, что это плохие варианты. Но какого-то раскаяния, убежденности в том, что смотреть в ту сторону не стоит, мне не хватало. Мой грех остался при мне – скрытый и от того особенно тягостный.

Это рождало тревогу. Причем – из-за отсутствия тревоги.

Раньше я приносила свои плохие решения маме, потом начала Ирке. Они отговаривали меня, вразумляли, я соглашалась и со спокойным сердцем следовала их советам.

Теперь же я не хотела, чтобы они меня отговорили.

Недобрый лес и прочие неприятности

Женщина, чувствуя вину, крайне полезна в хозяйстве.

В воскресенье я проснулась раньше Олега, на цыпочках выбралась в ванную, почистила зубы, накинула домашнее платье вместо штанов и футболки, плотно прикрыла дверь в комнату и вручную замесила тесто на блинчики.

Утро – не лучшее мое время, так что обычно я питаюсь бутербродами или яичницей, а по выходным вообще завтракаю в обед. Но сейчас мне хотелось сделать для Олега нечто особенное, чтобы искупить свою вину за мысли о расставании.

Ничего более подходящего на роль епитимьи, чем вечно подгорающие блинчики, от которых ни на секунду нельзя отвлечься, я и представить не могла. В холодильнике нашлась сметана, в шкафу – джем и мед, и к тому времени, когда заспанный Олег выполз на кухню, я даже сварила кофе в турке, с трудом отыскав старые запасы молотого.

– У нас праздник? – поинтересовался он. – Кто-то умер, кто-то родился, кто-то сдох далеко в лесу?

– Я просто очень тебя люблю! – Я быстренько чмокнула его, увернувшись от попытки обнять, и метнулась обратно к плите – кофе решил воспользоваться случаем и сбежать.

– Была бы у нас машина, я бы спросил, насколько в хлам ты ее разбила. А тут даже теряюсь.

– Слушай, ну серьезно! – Я сняла турку с огня и разлила кофе по чашечкам, настрогала на маленькой терке палочку корицы, бросила щепотку какао поверх. – Я поняла, что ты у меня сокровище, а я не ценю.

- Это тебе Ирка сказала?

Олег устроился на диване и подвинул поближе к себе миску с блинами, накрытую кухонным полотенцем.

- Это я сама додумалась, - надулась я.

- Ух ты, даже не подгорели! - восхитился Олег.

Он намазал блин сметаной, подумал, положил туда ломтик сыра и заодно полил медом.

- Это вместо спасибо?

- Спасибо, конечно, хотя ты меня немного пугаешь.

- Привыкнешь! - Я так яростно поддела прилипший блинчик, что он счел за лучшее побыстрее перевернуться и подрумяниться, чтобы от него отстали.

- Так это постоянная акция, что ли? - изумился Олег. - Я выиграл в лотерею новую девушку?

- Старая тоже была ничего.

Меня слегка кольнуло это противопоставление «старая - новая». Нет, речь не о возрасте! Но все равно.

- Ты мне нравишься любая! - тут же принялся подлизываться он. - Но и блинчики тоже нравятся.

- Вот видишь, как хорошо, что тебе не придется выбирать!

Я плюхнулась на диван с ним рядом, тоже потянулась к блинам, но тут же вспомнила свое твердое решение с утра сесть на диету. Хвасталась вчера Ирке своей лучшей формой, но забыла упомянуть, что зимой я всегда набираю несколько килограммов. Уютный хомячий жирок имени утешительных пирогов с

чаем и долгих новогодних праздников.

Завтрак был настолько солнечным и счастливым, что я ни разу не пожалела о потерянном часе сна. Надо действительно сделать это привычкой, нашей милой семейной традицией...

Хотя бы по воскресеньям.

От слова «семейная» тоже потянуло холодом, но я быстро отогнала это неприятное ощущение. Я бы тоже не стала жениться на скандалистке, которая отказывается от секса, заставляет готовить и недовольна тем, что ее возят в отпуск в Испанию.

- Пойдем сегодня погуляем? Пошуршим листиками, соберем букет? Пофотографируемся? Ты давно зеркалку не доставал, - предложила я.

- А-а, так ты просто фотосессию своими блинчиками выпрашивала! Я-то уж испугался! - облегченно выдохнул Олег.

Тут я обиделась всерьез. Я ведь никогда ничего не добивалась от него такими дешевыми манипуляциями: ты - мне, я - тебе. Никакого минета за шубку или айфон! Всегда говорила прямо или делала сама. С чего бы вдруг начинать?

Вот так сделаешь доброе дело...

Разъедающее чувство обиды встретилось с хорошо настоявшимся за ночь чувством вины, и некоторое время две желтоглазые кошки внутри меня бились до кровавых ран, задевая когтями и мое сердце.

Победила вина, и я, проглотив обиду, с улыбкой предложила:

- Если не хочешь, давай останемся дома, посмотрим «Аладдина», давно собирались. Или съездим в аквапарк.

Видимо, Олега все-таки насторожила пауза перед этими словами, и он поспешно ответил:

– Ну, что ты! Давно хотел тебя поснимать. Ты права, такой мягкий свет, даже фотошопить не придется, он сам все неровности кожи сглаживает. Надень свое синее пальто, хорошее сочетание цветов получится.

«Неровности кожи» я тоже проглотила молча, скрыв это за суетой. Надо было еще убрать остатки блинчиков в холодильник, протереть плиту, допить кофе... Есть я так ничего и не стала. Решила, что купим на обратном пути брокколи и куриные грудки.

Ранняя осень – абсолютная нереальность.

У половины деревьев все еще длится лето, но другая половина уже празднует увядание. Глубоко синее небо, какое бывает только весной, когда все только начинается, и осенью, когда заканчивается. Прозрачный холодный воздух, от которого цвета становятся насыщеннее, глаза блестят ярче, и пронзительный запах осенней земли, напоминающий о том, что это все ненадолго, скоро кончится, лови момент.

Мы пошли на бульвар – там росли фотогеничные клены, дикие яблони и неизвестные мне кусты с ярко-красными ягодами, которые были достойны оттенить мой образ. Я давно мечтала сплести веночек из разлапистых кленовых листьев и превратиться в Королеву Осени. Даже накрасилась специально под этот образ: тени цвета охры, дерзкие стрелки, темная помада.

По пути Олег сделал несколько действительно хороших снимков пронзительно-желтых лип на фоне синего неба и меня на фоне пронзительно-желтых лип. Заодно снимал, как трагично лежат разноцветные листья на все еще зеленой траве, погнался за рыжей, в цвет осени, кошкой, и на место мы пришли в замечательном настроении. Жизнь снова казалась прекрасной, и решение быть идеальной женщиной для этого мужчины больше не тяготило. Мне хорошо с Олегом, а если я сама себе не порчу жизнь, то еще лучше.

Увы, на бульваре удача нас оставила. Прямо при нас муниципальные рабочие сгребали роскошные кленовые листья в огромные черные мешки, словно расчлененный труп осени. Можно было сниматься и на фоне этих мешков, но жанр таких фотографий получился бы гораздо более мрачным.

Расстроилась не только я, Олег тоже. Он уже запланировал кучу кадров – и с венком, и с букетами листьев. Даже придумал, как разложить меня на них покрасивее.

– Пойдем тогда в лес? – предложил он. – Там на поляне есть несколько кленов. В лесу точно никто убираться не будет.

– Не хочу, – отозвалась я тихо.

– Почему?

Двенадцать лет я не ходила в тот лес вообще. Ни на лыжах в колледже – приходилось прогуливать. Ни на шашлыки с друзьями – каждый раз придумывала новую причину. Ни просто гулять. Вообще никогда. Нет.

Один раз попробовала – и вылетела на дорогу, не пройдя и пяти метров вглубь. Мне показалось, что за ближайшим кустом тот прыщавый все еще ждет меня. Знает, что я однажды вернусь и он закончит то, что начал.

– Просто... не хочу. – Я покачала головой и предложила альтернативу:

– Давай дальше по бульвару пройдемся? Может, на той стороне еще не все убрали.

– Ева! В лесу полно листьев! Пойдем!

– Нет... – Я пыталась быстро придумать какую-нибудь приличную причину, но ничего в голову не приходило.

Мимо по бульвару проехала «Скорая». Я машинально проводила ее взглядом, скрестила пальцы и шепнула: «Чур, не моя беда».

Олег заметил, скривился:

– Опять твоя ерунда!

- Прости, – покладисто сказала я. – Я уже реже так делаю.

Но он, похоже, был настроен вернуться к теме:

- Можешь ответить, почему мы в лес не идем?

- Там грязно.

- Не грязнее, чем здесь. Дождя три дня не было.

- Там собак выгуливают.

- Здесь тоже, но тебя это не смущает.

- Там темно.

- На поляне солнце.

- Я просто не хочу! – В отчаянии я прибегла к бессильному и бесполезному последнему аргументу.

- А я хочу! – отрезал Олег, схватил меня за руку и потащил за собой. – Я согласился на фотосессию, пошел тебе навстречу, так что давай ты пойдешь навстречу мне.

Не упираться же ботинками в землю, как маленький ребенок? Я потащила за ним, глядя, как неумолимо и неизбежно встает впереди лес. Казалось, туда даже не пробивается солнечный свет. И какие там получатся фото?

Впрочем, это мне только показалось, солнца сквозь редящую листву действительно проникало много, темным лес был только в моем воображении... Но я не могла. Просто не могла! Конечно, я не рассказывала Олегу, что там произошло.

Я даже маме не рассказывала.

В тот вечер ей было не до меня – папа впервые не пришел ночевать. Дальше стало как-то недосуг, потом я вроде бы пережила, а после оказалось, что ждала я слишком долго и уже как-то глупо начинать.

Да и что я могла ей сказать? «Мама, ты была права: с непослушными девочками случаются именно те плохие вещи, о которых ты предупреждала?»

Они почти случились со мной. А с Верой – случились. Она тоже никому ничего не рассказала, но узнала я об этом не скоро.

Через пару лет после окончания колледжа на встрече выпускников вдруг зашла речь о тех, кто с нами учился, но не добрался до выпуска. И среди тех, кто вылетел за «хвосты», решил пойти сразу работать, перевелся в другое место или уехал за границу, вспомнили Веру.

Кто-то из парней хохотнул:

– Вот дура – умудрилась прямо в начале года залететь! Зато экзамены не сдавала.

– Говорят, ей тройки нарисовали на халяву и диплом выдали.

– Повезло, – добавил кто-то из девчонок. – У нас в институте тоже с пузом с курса на курс переходили. Одна так и родила пятерых.

– А что, знаете, от кого Верка залетела-то?

– Евку спроси, они ж дружили.

Я к тому времени уже выпила достаточно, чтобы устать от этой ярмарки тщеславия, от фотографий однокурсников, историй о студенческих пьянках и сексуальных похождениях и забила в угол, листая первый попавшийся журнал.

Когда речь зашла о Vere, я наострила ушки, но лицо продолжала делать равнодушное. И когда бывшие однокурсницы обратились ко мне с вопросом,

вполне естественно пожала плечами – мол, откуда мне знать?

Сработало.

– Не лезь к Евке, они как раз поругались перед этим.

– Мне кураторша рассказывала, что родители Веркины пытались из нее выбить имя второго счастливого родителя, но она как партизан!

– Выбить? – кто-то ахнул.

– Отец ее избил, как узнал. Первый раз в жизни, говорят.

Мне ли не знать, что не первый! Просто раньше он бил ее по ногам, следы от пряжки долго не заживали, и она ходила в длинных юбках. Зато не так заметно, как синяки на руках или фингал под глазом.

– Нагуляла с каким-нибудь сопляком, который жениться обещал.

– Верка всегда была шлюшка. Помнишь, она на первую дискотеку пришла в юбке с таким разрезом... Все парни бегали смотреть.

– Ну, мало ли кто с каким разрезом! У меня на выпускном, помнишь, какое декольте было? И ничего, через месяц замуж выхожу!

– Серьезно? Что ж ты молчала!

– Ну, у Верки кроме юбки были еще признаки.

– Конечно. Она все лето с парнями из строительного за гаражами курила. Мне мать запрещала за ней ходить.

Я спрятала горящее от злости лицо за журналом. Хотелось крикнуть: «Помню, как ты таскалась за нами, несмотря на запреты, а мы не знали, как от тебя отделаться! Но ты в итоге послушалась маму, и вот – замуж выходишь. Все правильно сделала».

А мы не послушались. И промолчали.

Я молчу до сих пор.

Лес все ближе, и шепот его все громче. Я шла, как на казнь. Те же осенние листья, едва прикрывающие жирную грязь... И голова почему-то закружилась. Прошлые и настоящие события накладывались друг на друга, так что становилось трудно разобрать, где одно, а где другое.

«Кружится голова».

– Ев, повернись тут, такое роскошное дерево на фоне!

Щелчок фотоаппарата. Как кружится голова!

Обернувшись, я увидела красное, как кровь, дерево позади меня. Будто кровь...

– Ева? Улыбнись!

Разве я не улыбаюсь? Я... улыбаюсь. Или нет?

«Я бегу по листьям, оскальзываясь».

– Ева, что с тобой?

– Все хорошо.

«Он догнал меня, догнал, догнал. Мне страшно, как никогда в жизни».

Щелчок.

«Я делаю шаг вперед, наступаю на землю, под ногой хлюпает, и выплескивается фонтанчик грязной воды. Покачиваюсь, чуть не падая. Нельзя падать, испачкаю свитер!»

Руки были все черные».

– Стой ровно, Ева! Это что, так сложно?

«Я цепляюсь за землю, отталкиваюсь, но руки скользят».

– Покружись! Да не сейчас! Вот когда ветерок дует, листья падают, под ними покружись!

«Он наваливается сверху, я выворачиваюсь и перекатываюсь по земле».

Так кружится голова. Можно я не буду больше кружиться, меня тошнит?

«Страх помогает вырваться, ударить, ни на что не надеясь, отчаянно, бессмысленно».

– Ева? Ева! Ева?!

– А?

– Ты чего не откликаешься? Стоишь, выпала из реальности.

– Давай уйдем?

– Ты чего?

«Он отпустил меня на мгновение, я рванулась изо всех сил, потянув мышцы, они болели две недели».

Я покачнулась, Олег едва успел меня подхватить.

– Ты чего такая морально неустойчивая?

«Споткнулась у самого края леса, испугалась так, что сердце чуть не выпрыгнуло из горла. Сейчас точно догонит!»

Я оперлась на руку Олега и попросила:

- Давай уйдем?

Его рука мгновенно из поддерживающей стала жесткой, а сам он раздраженным:

- Ева, ты можешь нормально объяснить, чем тебе этот лес не нравится? Тут не водятся дикие звери, честное слово.

- Не хочу.

- Опять твои суеверия, что ли?

«Нельзя ходить в лес. Он ждет там, за кустами».

- ...Нет.

- Ева, мне надоела эта ерунда!

- Олег...

- То тебе кошка дорогу перешла, то колбасу нельзя есть!

- Десерт...

- То по той дорожке можно идти, а по этой нет!

- Я...

- В темноте не есть, деньги из рук в руки не передавать, в лифте все заклепанные кнопки перетрогать!

- Это просто...

– У всех есть придурки, Ева, но твои переходят все границы! Завтра ты будешь считать листики на деревьях?

– Но ведь...

– Просто возьми себя в руки! Ты же можешь быть нормальной! Такой был отличный день! Опять все к черту!

«Но я уже выбралась из леса. Уже выбралась. Убежала».

Олег смотрел на меня раздраженно и зло. Наверное, с его точки зрения все так и выглядело: из-за моих суеверий я испортила наши чудесные выходные. Я всегда все порчу, даже если хочу все исправить.

– Я больше не пойду с тобой вообще никуда, если ты будешь вести себя как психованная!

Выпрямившись, я вышла из леса. Леса больше нет!

– Уходи. Вот прямо сейчас – уходи, – сказала я Олегу.

Случайности не случайны

Олег посмотрел на меня долгим и злым взглядом, развернулся так, что за ним взметнулись вихрем желтые листья, и ушел.

Причем совсем не в сторону дома.

Я запрокинула голову, выдохнув горечь и обиду в синее октябрьское небо, которое еще полчаса назад поднимало мне настроение, вдохнула запах прелых листьев и пошла домой. За спиной остался проклятый лес, в который я больше не войду никогда, пока еще дышу.

Черные мешки с листьями попадались по пути все чаще, как будто на что-то намекая. Настроение у меня было перед новой рабочей неделей – просто огонь! И еще обед с Сергеем Андреевичем впереди. Главное, не начать случайно ныть при нем. Для этого у меня есть мама и Ирка.

Я так задумалась, что заметила соседа, только когда уже поздно было сворачивать и красться с другой стороны дома. Он стоял рядом со здоровенным черным «Лендрровером» и орал в телефон:

– И на суд тоже не приеду! Не хочу! Ты это все затеяла, а я теперь чем-то обязан?

Ну что ж, по крайней мере не только мне достается от его паршивого характера. Надо же, мне ведь показалось в магазине, что он жутко обаятельный. Где были мои глаза?

В этот момент он меня и заметил.

– Ева! – рявкнул он тем же тоном, что и в трубку. – Ч-ч-черт... – уже мягче в телефон.

Он только глянул на меня, а я уже готова была плюнуть на приличия и собиралась перепрыгнуть через клумбу, чтобы спастись бегством и укрыться в подъезде. Потом посмотрел на телефон, выключил его и сделал шаг вперед, перегораживая мне обходной путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/haan_ashira/desyatytyy-sosed

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)